

МАЙКЛ СКОТТ РҒЭН

КУЗНИЦА В ЛЕСУ

Зима Мира

Майкл РОЭН
Кузница в Лесу

1987

Роэн М. С.

Кузница в Лесу / М. С. Роэн — 1987 — (Зима Мира)

Кузнец-чародей, несущий высокий жребий Последнего из рода древних королей... Гордый воин, не страшщийся ни людей, ни богов, ни демонов... Веселый бродяга, верящий в удачу – и словно бы удачу притягивающий... Странная женщина из «народа холмов», обладающая мистическим даром... Таковы последние из защитников Добра в мире, уже попросту разучившемся противостоять Злу... Такова четверка храбрецов, готовых встать на пути у безжалостной силы Льда, поглощающего все новые и новые мирные королевства... Но вчетвером им не выстоять против колдовской мощи Льда – и необходимо сколь угодно дорогой ценой объединить и поднять на борьбу с врагом все племена и государства мира...

Содержание

Прелюдия	5
Глава 1	6
Глава 2	18
Глава 3	45
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Майкл Скотт РОЭН КУЗНИЦА В ЛЕСУ

Прелюдия

Между юностью и зрелостью наступает время поисков и открытий; между обучением и мастерством лежит пора странствий. О странных годах обучения кузнеца Элофа, о его великих и ужасных свершениях и о зловещем окончании его знакомства с учителем Зимние Хроники повествуют в Книге Меча. Но когда эта буря миновала и долгие месяцы болезни подошли к концу, в сердце Элофа снова пробудилось его заветное желание, и теперь он был волен исполнить свою мечту. Об этой мечте и о скитаниях в неведомых землях и закоулках времени повествуется в Книге Шлема.

Глава 1

ОГОНЬ ЗАЖЖЕН

Порыв свежего морского ветра разбудил Элофа, когда его голова склонилась над рукописью, исписанной мелким почерком. Ветер ворвался в открытую дверь кузницы, прижав к земле языки пламени в очаге, пригасив лампы с тростниковыми фитилями и обдав неожиданным холодом его голую шею. Он резко выпрямился и заморгал в колеблющемся свете ламп с инстинктивной настороженностью внезапно проснувшегося человека. Он был не здесь, а где-то далеко, в черных болотах или заснеженных горах, преследуя тень из своего прошлого, исчезающую перед ним, меняющую облик в его руках и появляющуюся за его спиной – вечно близкую, вечно ускользающую...

За его спиной с мягким стуком захлопнулась книга, и он нетерпеливо встряхнул головой, избавляясь от остатков кошмара.

– Как проходит ночь? – спросил он, не поворачивая головы.

– Как заведено, – спокойно ответил Рок. – Судя по моим песочным часам, остался еще час до полуночи. Тебе пора ложиться – Иле не потерпит никаких возражений. Марта и старый Хьоран уже давно ушли, а завтра наступает великий день для лорда Керморвана. Спи, если завтра хочешь быть бодрым и готовым к этому.

– Я не могу заснуть.

– Тогда ты ловко притворялся. Еще минуту назад...

– Я хочу сказать, что не смею заснуть. Не сейчас, когда моя бедная голова так отягощена мыслями и заботами. Даже мои сны полны отравы.

– Значит, ты так и не нашел ничего, что могло бы помочь тебе?

Элоф покачал головой.

– Нет, ничего. А ты?

Рок встал, подошел к скамье, нагруженной увесистыми томами, и положил книгу, которую он читал, на верх самой высокой стопки.

– То же самое. Многое очень увлекательно, многого я просто не понимаю, но ничего, что могло бы представлять интерес для тебя.

Он посмотрел на коробку со свитками рукописей, стоящую возле стола Элофа, и перегнулся через его плечо.

– Не так уж много осталось. Жаль, что наш покойный и неоплаканный мастер-кузнец не взял с собой на юг больше книг из своей драгоценной библиотеки. Теперь все будет потихоньку плесневеть в старой башне...

– Если дьургары еще не захватили ее, – отозвался Элоф. – Или... другие.

– Ты имеешь в виду Лед? – тихо спросил Рок и бросил невольный взгляд во тьму за дверью. – Сомневаюсь, что в книгах для него найдется что-то интересное.

– Да, но там есть и другие вещи. Мы так и не нашли шлем, который я сделал, среди вещей мастера-кузнеца. Шлем Тарна... Он обладает большой силой.

Рок пожал плечами.

– Кажется, он позволял незаметно проходить среди людей и каким-то образом перемещаться из одного места в другое – если то, что ты видел после его создания, было правдой.

– Было, – сурово ответил Элоф. – Я видел это и на Льду. Вот свиток, который изучал Ингар, когда составлял план работы над созданием шлема, – видишь, на нем даже остались меловые отметины от его рукавов... – Он замолчал и перевел дыхание. Рок ничего не сказал в ответ. – Это трактат о силе масок с примечаниями мастера-кузнеца, который многое узнал от эквешцев о том, как маска может превращать владельца в свой живой символ. Если я пра-

вильно понял, такое превращение должно лежать в основе силы шлема. Помнишь, какие свойства он велел мне вложить в него? Сокрытия, изменения, способности двигаться незаметно и утонченно. Это знание тревожило мой сон: я наконец понял, как должен действовать шлем и как велико его истинное могущество. Это маска, безупречная маска, отзывающаяся на мысли своего владельца. Если он думает о тени, то становится невидимым. Если он думает о какой-то форме, она скрывает его собственный облик. Если он подумает о другом месте и облечется своей мыслью, то попадет туда.

Рок сглотнул.

– Это пагубная сила, которой нельзя владеть с легким сердцем. Иногда я думаю о многих местах, где никогда не буду. Но дьюргары знают, что делать с шлемом, даже если никто другой не знает...

– Думаю, у них его нет.

Рок внимательно посмотрел на своего друга.

– Судя по твоему тону, у тебя есть основания так думать. Где же он?

Элоф тяжело вздохнул.

– В тот последний час ты видел то же самое, что и я. Два лебедя улетели на восток...

– Но ты сделал только один шлем.

– Когда я впервые увидел Кару – еще до изготовления шлема, – на ней был плащ с подкладкой из черных лебединых перьев. Но у Лоухи не было такого плаща. И почему они ехали к мастеру-кузнецу на лошадях, подвергаясь всевозможным опасностям, если обе могли изменить свой облик и улететь? Очень может быть, что в ту ночь Лоухи приказала мастеру-кузнецу создать для нее нечто, что могло бы сравниться с силой, которой обладает Кара.

Элоф встал, и драгоценный пергамент смялся в его могучих пальцах, сведенных внезапной судорогой; толстый деревянный стержень в его центре жалобно закрипел и сломался. Элоф раздосадовано посмотрел на него и бросил на стол. Пергамент был так же покорежен, как сломанный черный клинок, лежавший перед ним.

– Теперь ты понимаешь, почему я должен последовать за ней, кем и чем бы она ни оказалась на самом деле? Великая сила, созданная мною, снова попала в дурные руки. Я снова должен найти ее и, если понадобится, уничтожить. А Кара – единственная ниточка, которая может привести меня к Лоухи. Даже если бы я не хотел освободить Кару, то все равно должен следовать за ней, найти ее. Даже если бы я не любил ее...

Рок поджал губы и отвернулся, словно от внезапной вспышки пламени в кузнице. Он осторожно провел пальцем по куску искаленного металла.

– Для такого дела тебе придется заново отковать свой странный меч. Немногие мечи послужили бы тебе в час нужды так же верно, как этот. – Он потянулся и громко зевнул. – Но пока что постарайся хотя бы отдохнуть. Усталые глаза не замечают того, что ясно видно при свете дня.

– В самом деле, – кивнул Элоф. – Хорошо, я постараюсь, но не прямо сейчас. Пока что я немного посижу тут и постараюсь хотя бы починить рукоять, если ничего другого не остается. Работа для рук прояснит голову.

Когда Рок ушел, Элоф разгладил измятый свиток и положил его на место. Потом он вздохнул и повернулся к мечу. Сила удара, изогнувшая и перекрутившая металл клинка, вырвала витки серебряной проволоки из рукояти; их облачные узоры, переменчивые и прекрасные, как болотные небеса, под которыми они были созданы, пропали безвозвратно. Элоф на мгновение задумался, потом взял котомку со своими инструментами и отнес ее на рабочую скамью у окна. Там Марья, служившая поденщицей у старого Хьорана, держала свою работу. Вместо почерневших кузнечных инструментов на полках были разложены изящные пинцеты, маленькие тиски, тонкие напильники и острые резцы, ибо Марья была искусным ювелиром. Элоф выбрал острое лезвие и достал из бокового кармана котомки сверток из жесткой кожи;

из одного конца свертка выпало несколько сухих иголок. Он очень аккуратно развернул кожу. Внутри лежала сухая сосновая ветка, почти лишенная игл, если не считать одного маленького отростка, который он осторожно отделил с помощью лезвия.

Положив веточку на гладкую каменную плиту, Элоф нанес на нее тонкий слой яичного белка и костного клея, разбавленного крепким спиртом, и накрыл сверху почти невесомым листом кованого серебра, тоньше самого тонкого пергамента. Он подышал на серебро, пока на поверхности не проступили призрачные очертания веточки. Потом, пользуясь тонкими остроконечными инструментами, он начал медленно разглаживать ее, терпеливо обводя очертания каждой иглы, поворачивая и добавляя еще серебряной фольги, пока веточка не оказалась полностью закрытой, заключенной в тончайший серебряный футляр.

Теперь она напоминала прежний талисман. В ней оставалось мало силы, но это была слишком ценная вещь, чтобы просто избавиться от нее. Пока на ней есть иглы, даже мертвые и пожелтевшие, частица лесной силы остается в дереве... Он улыбнулся.

– Никакой осенний ветер больше не унесет эти иглы. Для них наступила серебряная пора, и я буду носить их с собой везде, где бы я ни был.

Такие слова он произнес над своей работой, а потом, размотав проволоку, прикрепил веточку к рукояти и снова плотно обмотал проволокой. Рукоять выглядела такой же надежной, как и прежде, но Элоф нахмурился, когда взял ее в руку. Что такое рукоять меча без клинка? Он с досадой отложил ее в сторону. Ночь безмолвствовала, если не считать жалобных завываний ветра, приносившего с собой отдаленный плеск волн в гавани или стук копыт приподнявшегося всадника по брусчатке мостовой. Сонливость совсем покинула Элофа; внезапно он с новой силой ощутил потребность в знаниях и нетерпеливо взял другой свиток, оказавшийся пространным трактатом об извлечении металлов из руды. Кроме главы о странных силах, приводимых в движение железом и медью в едких растворах, там не было ничего интересного.

На столе перед Элофом лежал сломанный клинок, который он не выковал сам, а взял из рук давно умершего человека. Сейчас меч выглядел немым укором. Достоин ли он владеть такой вещью, если, обладая немалой силой и мастерством, не может заново отковать клинок?

– Но как? Как?

Элоф отодвинул рукопись и взял в руки холодный металл... если это действительно был металл. Жар кузнечного горна не мог раскалить его, ни один напильник не оставлял на нем следов, и никакой молот не мог сломить его упрямство. Несмотря на все знания Элофа, силу его разума и рук, ни огонь его кузницы, ни жаркое пламя его нужды не могли вернуть меч к жизни!

– Привет тебе, достойный кузнец!

Удар грома прокатился по кузнице и сотряс тяжелую дверь на ее петлях, но голос был еще более могучим. Клинок с лязгом упал на пол, а скамья, на которой сидел Элоф, перевернулась, когда он вскочил на ноги, объятый гневом и непонятным страхом. Но задвижка была поднята, нижняя створка двери уже распахнулась, и гнев Элофа поутих, когда он увидел фигуру человека, полускрытую в глубокой тени.

Человек, без сомнения, был очень стар. Шляпа с широкими обвисшими полями закрывала его лицо, напозая на один глаз, но это лишь подчеркивало белизну растрепанных ветром волос и бороды. Тяжелый плащ, некогда темно-синего цвета, теперь был весь покрыт пятнами и пропитан пылью дальних дорог. Сгорбив плечи, старик опирался на большой посох из гладкого темного дерева, увенчанный наростом из коры. Прочная опора, но, пожалуй, слишком тяжелая для ослабевшей руки, и Элоф простил старцу его неуклюжий стук.

– Привет тебе! – снова произнес старик и отвесил вежливый поклон. – Странник просит отдыха у твоего очага, чей свет издалека виден на ночных улицах.

Его голос был хрипловатым, но глубоким и звучным, с заметными раскатистыми нотками уроженцев севера. Элоф улыбнулся этой старомодной учтивости, но все еще медлил.

– Кто просит гостеприимства? Кто нашел мою кузницу в этом огромном городе?

Старик медленно прошел за дверь, как будто этого приглашения было достаточно. Порыв морского ветра ворвался вместе с ним; угли в кузнице на мгновение ярко вспыхнули, а из-под выступа дымохода повалили клубы дыма.

– Всего лишь странник, так меня называют люди. Далекими были мои странствия, много долгих лиг я прошел и, наверное, должен буду пройти еще больше.

Сомневаюсь, что так же далеко, как суждено мне, подумал Элоф, но промолчал. Он двинулся вперед, собираясь мягко выпроводить незваного гостя. Когда нищий входит в дом, от него трудно избавиться, а сейчас город кишел беженцами с севера, молодыми и старыми, проникавшими за стены, несмотря на усилия привратной стражи; он был не в состоянии накормить их всех. Кроме того, Элоф мог видеть лишь крючковатый нос старика и яркий темный глаз, блеск которого внушал ему недоверие. Он принужденно рассмеялся и поискал в пояском кармашке мелкую монету, чтобы старик мог заплатить за ночлег на постоялом дворе.

– Что ж, если ты называешь себя странником, не буду тебя задерживать. Вот подаяние, но я не могу...

Старый нищий не обратил внимания на его слова, но вошел в кузницу таким же медленным шагом. Край его длинного плаща выписывал странные узоры в пыли на полу. Пораженный, Элоф остановился и опустил монетку обратно в кошель. Наверное, когда-то старец был очень высок; даже теперь его голова находилась на одном уровне с головой Элофа, а бледные веснушчатые руки, сжимавшие огромный посох, были длинными и жилистыми. Его сторбленная тень на стене кузницы подрагивала в неверном свете пламени.

– Добрый человек всегда рад принять путника – разве не так говорилось в Северных Землях? Ведь я слышу их голос в твоей благородной речи.

Элоф моргнул, смущенный этим мягким укором, но продолжал загораживать дорогу. Старик пожал плечами и повернулся к очагу.

– Так всегда бывало со мной в былые дни. Люди привечали меня, давали мне еду и питье, даже подносили дары. То были настоящие люди, не боявшиеся впустить в дом незнакомца. Кто страшится беды, тот накликает ее на себя, так они говорили и распахивали свои двери настежь.

– У меня уже есть беда, – вздохнул Элоф, неприятно изумившись горечи, прозвучавшей в его словах. – Хочешь сделать ее еще горше?

– Я хочу лишь присесть у твоего очага, – проворчал старик.

Он медленно и устало опустился на кирпичное сиденье, прислонился к нему спиной и прикрыл глаза, радуясь теплу.

– Ну что ж! Если ты держишь обиду на меня за этот скудный отдых, я отплачу тебе, как могу, своей мудростью. Многие я повидал, узнал много вещей, неизвестных даже ученым людям; не раз мой совет освобождал сердца от гнетущей заботы. Спрашивай меня, о чем хочешь!

Элоф снова вздохнул.

– Я не держу обиды на тебя, – твердо сказал он. – Но у меня и впрямь много забот. Возьми подаяние, которое я предложил, и оставь меня размышлять над ними. Мне не нужен твой совет...

Старик неодобрительно покачал головой, и Элоф на мгновение увидел его лицо целиком – морщинистое, но жесткое, как старое мореное дерево.

– Ты уверен? – сурово спросил незнакомец. – Многие, считающие себя мудрецами, на самом деле ведают лишь меру своего невежества! – Он неуклюже ткнул посохом в грудь книг. – Ты зарылся в мертвые слова. Мне ясно, что ты ищешь некий секрет. Слова хранят много секретов, это верно... но не все!

Его темный глаз насмешливо сверкнул из-под мятых полей шляпы, но вспыхнул новым огнем, когда он увидел сломанный меч.

– Вот в чем дело! Ты ищешь способ починить этот клинок... – Он хмыкнул в бороду. – Судя по виду, ты сильный парень; разве ты не можешь просто отковать его заново? Нет? Тогда как тебе удалось изготовить его с самого начала?

Стрела попала в цель. Элоф почувствовал, что его уши горят, а щеки пылают, и выругался про себя.

– Ты не знаешь, – задумчиво произнёс старик, склонив голову набок. – Значит, ты не мог сам отковать этот меч. Он... не принадлежит тебе.

Элоф гневно взглянул на него.

– Он не принадлежит никому другому. Я нашел его там, где он был захоронен вдали от человеческих глаз, и сама память о нем изгладилась за долгие века.

Старец покачал головой, так что его ветхая шляпа заколыхалась из стороны в сторону.

– Вот как? Найденное не считается добровольно отданным. Иногда даже подарок нужно заслужить, не так ли? Нужно научиться седлать коня, прежде чем скакать на нем, и оснащать лодку, прежде чем плавать на ней. Не мне бы об этом говорить, но такие дары могут быть даны, чтобы научить человека новому мастерству или заставить его осознать мастерство, которым он уже владеет. Тогда он поистине может принять дар и остаться свободным от любых обязательств, кроме благодарности.

Элоф стоял неподвижно. Огонь в кузнице негромко потрескивал, раздуваемый ветром, постепенно крепчавшим, словно в преддверии грозы. Он искоса посмотрел на старика, чьи черты было трудно разобрать на фоне языков пламени за его спиной.

– Я искал мастерство...

– Да, но в книгах и в чужой мудрости. Они тоже бывают полезны, но я слышал, что северные маги-кузнецы были такими людьми, которые всегда искали новые истины и мудрость в самом средоточии природных явлений.

– Верно! – с жаром ответил Элоф, теперь уже глубоко уязвленный. – Так мы и поступаем! Лучшие среди нас обуздывали своим мастерством многие силы этого мира. Им были подвластны секреты высот и глубин; они связывали воедино разные качества и заковывали их песней в свою работу. Настоящий мастер-кузнец не страшится вырвать эти тайны из рук самих Сил, что владеют ими!

Старик тихо рассмеялся. Затем со скоростью, поразившей Элофа, он встал, опираясь одной рукой на свой огромный посох, а другой рукой схватил – черный клинок со стола, не обращая внимания на бритвенно-острое лезвие. Разъяренный, Элоф вскочил, собираясь отобрать меч, но замер и затаил дыхание, когда посох, без видимых усилий развернутый в обратную сторону, уперся ему в грудь. Он поднял руку, чтобы отбросить эту помеху, и снова замер, ощутив легкий укол холодного металла. Он осторожно ощупал кору, обнаружил то, что скрывалось под ней, и кровь в его жилах как будто обратилась в талую воду. Его пальцы прикоснулись к лезвию – узкому, твердому и заканчивавшемуся острым наконечником. Посох, приставленный к его груди, прямо к тому месту, где мог бы находиться шрам от странной, мгновенно зажившей раны, оказался длинным копьём в руке человека, явно умевшего обращаться с оружием. Старик медленно кивнул.

– Гордые слова, мой славный кузнец; не сомневаюсь, что ты готов выступить против Вершителей Судеб. Но знаешь ли ты, о чем говоришь?

Он внезапно выпрямился в полный рост, и черные тени как будто разлетелись по кузнице на крыльях посвежевшего ветра.

– Их владычество над этим миром было установлено еще до того, как он обрел форму. Над морем и сушей властвуют они, над небом и камнем, над горами и облаками, лесами и озерами, реками и равнинами, над всеми живыми существами. И над Льдом тоже.

Посох, который не был посохом, описал перед глазами Элофа широкую дугу, словно охватывая весь мир. Складки плаща на раскинутых руках вздувались от ветра и хлопали, подобно знаменам.

– Они мудры и могущественны; сила последнего и слабейшего среди них далеко превосходит человеческую. В их мимолетном взгляде – прозрение, в прикосновении мысли – знание. В их малейшем жесте заключена великая сила.

Наконечник посоха в протянутой руке слабо блеснул на фоне пылающих углей в очаге, и в кузнице грянул оглушительный раскат грома, сбивший пламя и разбросавший жгучие шипящие искры в дымном воздухе. Пол содрогнулся; каменные плиты вздыбились, и клинок ослепительного света мелькнул между очагом и каминной трубой – молния, ударившая под крышей. Ветер пронзительно свистел. Ключья дыма носились по комнате, погасшая лампа опрокинулась и разбилась, а инструменты, сложенные у стены, лягали и дребезжали. Но суровый старик неподвижно стоял посреди этого хаоса, холодный, как зимнее небо; лишь его темные глаза поблескивали из-под полей шляпы.

Потом наступила тишина, странная и беспокойная, все еще вибрирующая, как бывает после землетрясения. В этой тишине Элоф услышал отдаленный, слабый, но все же различимый ответ: отзвуки вороньего грая, принесенные на крыльях ветра. Порыв ледящего воздуха пронизал его до самых костей, и он задрожал крупной дрожью.

– Итак, хитроумный кузнец, – тихо, но требовательно произнес старик. – Отказываешься ли ты теперь от своей гордыни?

Напряженно удерживая взгляд старика, Элоф молча кивнул. Но странный гость лишь устало оперся на посох и снова сторбил плечи. Наконечник посоха спрятался под корой, но в колеблющихся тенях на стене, освещенной огнем очага, четко проступали очертания наконечника копья.

– Очень хорошо. Ибо, как я слышал от знающих людей, только те, кто принадлежит Льду и предает свою веру, желают себе слуг, рабов и подчиненных. Истинные Вершители Судеб не могут этого делать, будучи сами вдвойне слугами причин и следствий. Их целям лучше всего служат люди, которые менее всего нуждаются в их помощи.

Старик со вздохом повернулся к двери.

– Я не могу отплатить тебе за тепло твоего очага; ты не нуждаешься в моем совете. Как и прежде, я остаюсь у тебя в долгу.

Элоф недоуменно посмотрел на него.

– Как и прежде? Но как это может быть, ведь мы никогда не встречались раньше! И мне нужен совет: я до сих пор не знаю, как отковать этот меч...

Человек, называвший себя странником, подошел к открытой двери; там он остановился и обернулся, являя собой картину утомленного старца. Однако его глаз блеснул еще ярче, чем прежде, а слабая дрожь в голосе выдавала скорее сдерживаемое веселье, чем усталость.

– Кажется, ты насмехаешься надо мной! Разве ты сам не сказал мне об этом... ты, кто хочет держать в своих руках силы природных стихий? Ответ был бы ясен даже ребенку, если бы дети не были так подвержены страху!

Старик сделал презрительный жест свободной рукой, и под его плащом вдруг блеснула гладкая черная поверхность, подобно отблескам темных вод в лунном свете. Элоф мельком увидел стальной нагрудник и рукоять огромного черного меча. В следующее мгновение старик вышел за дверь и исчез.

– Это ты! – закричал Элоф. Приступ безумной ярости развеял страх и благоговение, и он, не разбирая дороги, ринулся к двери: – Снова ты, Ворон! Стой, теперь ты не...

Во тьме раздалось хриплое карканье ворона – бессловесная сущность насмешки – да по булыжной мостовой гулко застучали подковы. Элоф знал, что одну из этих подков он когда-то сам примеривал к копыту исполинского коня. Он выбежал на улицу, но здесь темнота обсту-

пила его со всех сторон; вокруг высились склады и зернохранилища гильдии торговцев, тени от которых закрывали мостовую. Лишь в дальнем конце улицы, у гавани, Элоф заметил – или ему показалось? – лоснящийся круп боевого коня, и то лишь на мгновение.

Давешняя вспышка в самом деле была предвестницей грозы; между облаками внезапно проскочила молния, осветившая улицу от края до края. Резкий порыв ветра ударил в лицо Элофу и принес с собой первые холодные капли дождя. Вдалеке грохотал гром, а не конские копыта – Ворон исчез так же неожиданно, как и появился.

Что-то блеснуло в свете молнии у самых ног Элофа. Там, на булыжной мостовой, лежал черный клинок. Элоф поднял меч и озадаченно посмотрел на него: что имел в виду старый лис, когда сказал, что секрет уже известен ему? На треть длины от хвостовика меч был так ужасно перекручен и искорежен, что оставшаяся часть выпирала под нелепым углом, будто сломанная рука. Именно такое чувство возникало у Элофа, и он никак не мог срастить этот перелом. Его мастерство оказалось бессильным. Даже секреты, разведанные у дьургаров, которые умели глубоко заглядывать в самую форму и структуру металла, ничем не могли помочь ему. А если это не металл? Едва ли. На ощупь клинок был металлическим; он не мог быть сделан из обсидиана или любого из тех странных камней и других материалов, которыми некогда пользовались варвары. Однако, поворачивая меч из стороны в сторону, Элоф был уже не так уверен в своей правоте. Блеск клинка не потускнел, а лезвие не затупилось; даже долгие годы, проведенные в болотной топи, не оставили на нем никаких следов. Может ли даже самый прочный металл выдержать такое? Но как его испытать? Взять кусок магнитного железняка? Многие металлы на него не реагируют. Обработать едким раствором? В случае успеха клинок будет поврежден, и тогда уже никакая сила не сможет вернуть его к жизни.

Элоф старался сохранять спокойствие, хотя мысли вихрем кружились у него в голове. Можно было бы не обращать внимания на болтовню старого нищего, но его странный гость явно не бросал слов на ветер. Как же понять его намеки? Элоф не знал, какого секрета ему не хватает. Он получил клинок в дар, но такой дар нужно заслужить отвагой и мастерством. Скорее всего новые знания можно было обрести не из книг, а из вечного движения сил природы. Но как? Где? И ведь он сам сказал об этом! В ярости Элоф стукнул себя кулаком по лбу, словно мог заново отковать и очистить свой разум.

Гроза грохотала над морем, надвигаясь на побережье. Темный силуэт башни Вайды над гаванью резко выделялся на фоне блистающих молниями облаков. Это зрелище пробудило в Элофе еще свежие воспоминания о страхе, крови и боли, обретенной и вновь утраченной любви. Он изо всех сил старался выкинуть их из головы и сосредоточиться. Помнится, уязвленный пренебрежительными словами старика, он сказал, что мастер-кузнец не страшится вырвать тайны стихий из рук самих Сил, что владеют ими...

– Рок! – внезапно воскликнул Элоф. Поскользнувшись на мокрой мостовой, он развернулся и побежал в кузницу, выкрикивая имя своего друга и одновременно удивляясь, зачем он это делает; тот первый удар молнии должен был разбудить всех обитателей дома. Но коридор был пуст, и когда Элоф распахнул дверь комнаты Рока, тот мирно похрапывал под одеялом. Зато рядом с ним вскочила Марья, но тут же спохватилась и сердито закуталась в меховое одеяло.

Марья бежала с севера вместе со старым Хьораном, когда их город был опустошен эквешскими мародерами. После того как огромная волна беженцев вынесла их на юг, они, как и все остальные, умирали от голода. К счастью, им довелось встретиться с Роком, который сохранил теплые воспоминания о Хьоране и, зная цену даже далеко не самому талантливому мастеру-кузнецу, приютил их в своей кузнице. Их партнерство было успешным, но раньше Элоф не догадывался, до какой степени. Впрочем, ему было не до смущения. Он подошел к кровати и потряс Рока за плечо.

– Проснись! Разве ты не слышал?

– Что слышал? – пробормотал Рок.

– Гром! Удар молнии! Рок, это был Ворон!

– Ворон? – воскликнула Марья и широко распахнула глаза, глядя на Элофа, как на безумца. Вспышка молнии за окном на мгновение залила белым светом щели в запертых ставнях.

– Ворон? – эхом откликнулся Рок. Он сел и растерянно огляделся по сторонам. – Тот самый, о котором ты мне говорил? Где он был, здесь?

– Да! Здесь, в кузнице!

Марья испуганно вскрикнула и нырнула под одеяло.

– Неужели ты не слышал? Гремел гром... но довольно об этом. Вставай, а я пока что разбуду Хьорана. Нас ждет работа: теперь я могу перековать свой меч!

– Нет, постой! – сердито заворчал Рок. Он высвободил руку из хватки Элофа и положил ее на грудь одеял, под которой притаилась Марья. – Клянусь зубами Амикака! Ты врываешься посреди... Я вижу, что ты сгораешь от нетерпения, но разве это не может подождать до утра?

– В том-то и дело! – воскликнул Элоф. – Сейчас, когда все под рукой... у меня нет времени на объяснения!

– Хотя бы пошли за Иле, и мы посмотрим, что она...

– Нет времени даже для этого! Мне очень жаль, Марья, но мы должны торопиться, иначе опоздаем.

Рок поежился от холода, опустив ноги на пол.

– Надеюсь, ты знаешь, о чем говоришь, – пробормотал он.

Спустя несколько минут странная процессия прошла по улице к стене над гаванью, а еще через некоторое время они поднялись на открытую площадку на вершине башни Вайды, задыхаясь и жадно глотая влажный воздух, словно рыбы, вынутые из воды. Фонарь в высоко поднятой руке Марьи озарял золотистым светом ближние зубцы парапета и отбрасывал ее паучью тень на стену галереи, где мастер-кузнец еще недавно бродил среди своих награбленных богатств. В другой руке она держала суму с инструментами Элофа и сломанным мечом, а в кармане ее мужской рабочей куртки лежала рукоять и новые заклепки. Поднявшись на площадку, она оглянулась и озабоченно посмотрела на троих мужчин на лестнице, тяжело дышавших и спотыкавшихся под весом самой прочной и тяжелой наковальни из кузницы Рока. Старый Хьоран мог оказывать лишь символическую поддержку, и даже силы Рока были на исходе, но Элоф торопил их как одержимый, взваливая все большую часть ноши на собственные плечи. Сверкнула молния, почти сразу же грянул гром, и он последним мощным усилием заставил друзей преодолеть оставшиеся несколько ступеней.

– Если этот Ворон снова покажет свею рожу, я швырну в него наковальней! – прохрипел Рок.

– А мне хотелось бы знать, сколько нам еще осталось идти, – выдавил Хьоран в промежутках между судорожными вдохами.

– Мы уже пришли, – сказал Элоф и поднял лицо навстречу мелкой россыпи дождя. – И, кажется, вовремя!

– Пришли? – изумился Рок. – Но почему здесь? Здесь нет даже очага...

Но они были рады наконец поставить наковальню, громко лязгнувшую и высекающую искры из каменной плиты. Хьоран, отдуваясь, оперся на нее, а Марья ободряюще похлопала его плечу.

Элоф перевел дух и взгляделся в небо над гаванью и море, раскинувшееся внизу. Кучевые облака громоздились друг на друга в блеске молний, бастион за бастионом, подобно некой твердыне Сил, бурлящей от едва сдерживаемой энергии. Теперь их авангард был уже почти над головой, и дождь усиливался, угрожая погасить слабое пламя фонаря. Широкая пелена дождя,

мерцающая как жемчуг, приближалась через беспокойное море с пенными барашками волн и вот-вот должна была накрыть их.

Элоф скрипнул зубами и посмотрел вниз, во тьму лестничного колодца. Все время, пока они тащили наковальню, он ждал какого-то озарения или знака свыше, как бывало раньше. Но сейчас он не чувствовал ничего, если не считать обостренной и даже отрешенной бдительности, готовности к тому, что может произойти. Вспышка молнии отбросила его тень на крутые ступени; гром прогремел так близко, что он вздрогнул.

– Это становится опасно! – проворчал Хьоран, и Марья кивнула, соглашаясь с ним.

– В самом деле, – подтвердил Рок. Он взял суму с инструментами и раскрыл ее на наковальне. – Оставь здесь все, что ты принесла, Марья, и отойди на лестницу вместе с Хьораном. Я сам помогу ему...

– Уже пора, – тихо сказал Элоф и развернул клинок. – Пожалуйста, дай мне хороший молот – тот, с большой скошенной головкой, дьургарской работы. Вставь заклепки в рукоять – вот здесь – и положи ее рядом с пробойником. Потом отправляйся к остальным.

– Ты уверен? – буркнул Рок, перебирая лязгающие инструменты. – Здесь пахнет одним из твоих колдовских фокусов...

– Может быть. Но, колдовские они или нет, никто, кроме меня, не должен пострадать от этого. А теперь отойди!

Раскаты грома почти заглушили его слова. Несколько кораблей, стоявших на якоре в гавани, исчезли за сплошной завесой дождя, хлеставшего по палубам.

– Спускайся вниз! – крикнул Элоф. – Здесь тебе сейчас больше нечего делать, но потом ты мне понадобишься!

Он достал из поясной сумки латную рукавицу, изготовленную у дьургаров. Глаза Рока изумленно распахнулись; в них мелькнуло понимание, сомнение и нечто близкое к благоговению.

– Постарайся, чтобы у тебя было хоть какое-то «потом»! – прокричал он в ответ и ловко нырнул в лестничный проем. В следующее мгновение ливень обрушился на вершину башни, и все исчезло в потоках хлещущих струй.

Элоф стоял возле наковальни, немного наклонившись вперед, чтобы противостоять напору ветра. Он придерживал клинок одной рукой, пока надевал длинную латную рукавицу. Она плотно села на место; верхняя пластина, покрытая вязью узоров и надписей, точно облегла контуры его руки. Выше начиналась кольчуга, сплетенная из крохотных колечек и похожая на диковинную ткань, переливавшуюся и изгибавшуюся у сочленений. Рука Элофа вошла в рукавицу до самого локтя, и его пальцы наконец сомкнулись вокруг плоского ограненного камня на ладони. Не дав себе времени на размышления, он подошел к парапету и протянул руку к небу. Теперь он сам стал вершиной морской стены, и в городе не было более высокого места, если не считать отдаленных башен цитадели.

Затем Элофа посетила мысль, от которой он покрылся холодным потом. Он быстро растопырил пальцы так широко, как только мог, и выгнул руку ладонью вверх. Если удар придется на кончик пальца – в любое место, кроме ладони...

Буря завывала повсюду вокруг него. Ветер ревел в ушах; он чувствовал стремительное движение воздушных потоков в пропасти перед собой и на улицах далеко внизу. Или улицы находились у него за спиной? Элоф даже не мог понять, в какую сторону он смотрит. Мужество тонкой струйкой вытекало из него, уходило вместе с ледяным дождем. Он слишком долго нес наковальню, и у него не осталось сил; его рука превратилась в сплетение мышц и сухожилий, охваченных жгучей болью, запястье ныло от напряжения, пальцы в любой момент были готовы сжаться в кулак. Еще минута, и он откажется от этого безумия и склонит голову перед силами, которым посмел бросить вызов. Даже еще несколько секунд...

Но тут ливень, башня и все остальное исчезло. Перед Элофом открылась бесконечная белизна – пространство, наполненное отзвуками единственного удара в чудовищный бубен. Громадная тяжесть навалилась на него, и в какой-то момент ему показалось, будто он держит на ладони весь небосвод: необъятный купол, готовый рухнуть и сокрушить хрупкий мир внизу. Его пальцы сомкнулись от судороги, а не по мысленному приказу. Буря сразу же налетела на него, но теперь он сдерживал некую первозданную мощь, которая билась и трепетала в его ладони. Он покачнулся, потерял равновесие и с безумным криком отпрыгнул в сторону. Его ноги заскользили по мокрому камню, но в следующее мгновение он запнулся о наковальню, и черный клинок, лежавший на ней, отозвался глухим лязгом.

Элоф смутно слышал голоса, звавшие его, но пульсация в его ладони достигла такой силы, что казалось, суставы пальцев вот-вот лопнут от напряжения. Он выровнял клинок на наковальне правой рукой и вслепую зашарил в поисках молота. Его пальцы нащупали короткую ручку; он поднял молот, сама тяжесть которого казалась надежной и успокаивающей. Затем он поднес дрожащую левую руку к искалеченному сердцу меча, держа сжатый кулак вертикально, большим пальцем вверх. Постепенно, очень медленно он стал отгибать мизинец, как если бы хотел просыпать на наковальню немного песка, зажатого в горсти.

Белый огонь, более чистый и яркий, чем звездный, пролился на наковальню – искристый, сияющий свет, слепивший даже через опущенные веки. Ему сопутствовал низкий басовый рев, в котором слилась мощь сотни водопадов, заглушавший завывания бури. Рок что-то кричал, но его голос потерялся в этой сумятице. Наблюдателям, стоявшим на вершине лестницы, крепкая фигура Элофа, озаренная светом от наковальни, казалась воплощением движения: огромный молот взлетал вверх, описывал широкую дугу и опускался с легкой, даже ленивой грацией. Молот врезался в средоточие света, поднимался и падал снова; фонтаны дыма устремлялись вверх и тут же уносились вместе с ветром. После четвертого или пятого удара свет внезапно погас, и Элоф опустил молот. Но теперь он высоко поднял латную рукавицу, по-прежнему сжатую в кулак, и обрушил ее на наковальню вместо молота. Вспышка света отразилась от наковальни и прыгнула в небо, к быстро несущимся облакам; звенящий удар необычайной силы сотряс башню, а кузнец пошатнулся и опустился на колени.

Было ли то результатом бегства последних остатков светоносной мощи, которую он уловил, или просто глазом бури, но в небе над головой открылся просвет. Дождь сменился мелкой моросью, как будто облака оплакивали свою утраченную силу. Наблюдатели выбрались из лестничного колодца и бросились к шатающейся фигуре кузнеца, заранее страшась ран и увечий, которые они могли обнаружить. Но хотя одежда Элофа была прожжена во многих местах, а от его влажных волос валил пар, глаза на закопченном лице сверкали диким восторгом.

– Видишь? – крикнул он и указал рукой, одетой в латную рукавицу. – Скажи, о мудрый странник, выдержал ли я испытание? А ты, из чьей руки я забрал его, – будь мне свидетелем! Скажи теперь, разве он не по праву принадлежит мне? Он был запятнан злом, но теперь сияет, как прежде! Он снова пробудился к жизни и готов разить, защищая ее! Слепи нечистых своим темным блеском, искореняй зло, поражай ложь!

Страхнув с плеч руки своих друзей, Элоф встал, поднял с каменного пола рукоять меча и выступил вперед. Их взгляды устремились вслед, и тогда они увидели... Хьоран издал удивленный возглас, Марья взвизгнула, и Рок выругался хриплым шепотом. Черный клинок действительно стал прямым и вернулся к жизни, ибо был глубоко погружен в металл наковальни.

Элоф насадил рукоять на торчащий хвостовик меча и вставил заклепки. Затем, не позаботившись о том, чтобы расплющить их, он уперся сапогом в край наковальни и сделал один могучий рывок. С металлическим скрежетом и фонтаном искр, а потом с торжествующим звоном клинок вырвался на свободу.

Наковальня, треснувшая сверху донизу, медленно распалась пополам и рухнула на темные каменные плиты.

– Так рубит клинок кузнеца!

Элоф тихо рассмеялся, повернулся к Року и остальным и обнял их. Объятие получилось неуклюжим, потому что он не выпустил меч из рук.

– Спасибо, друзья мои, спасибо вам! Жаль, что пришлось уйти в такой спешке и без объяснений. И еще, Рок: я сделаю для тебя достаточно безделушек, чтобы ты мог купить новую наковальню, еще лучше старой...

Хьоран и Марья казались оцепеневшими и бессловесными, но Рок, более привычный к странному зрелищу, просто покачал головой и начал собирать инструменты Элофа.

– Это не имеет значения. Пока оставим ее лежать здесь и давайте-ка уйдем отсюда, пока небесная кузница снова не принялась за работу!

Он подтолкнул остальных к лестнице, хлопнул Элофа по спине и удивленно уставился на свою мокрую ладонь.

– Пошли с нами, Элоф, ты же промок до нитки! Мы найдем для тебя кружку подогретого вина и теплую постель.

Элоф покачал головой, все еще переполненный внутренним ликованием.

– Благодарю тебя, но не надо. Я уже достаточно потревожил вас всех сегодня ночью. Мне нужно вернуться в дом Керморвана, лечь в собственную постель и оставить вас в покое.

– Как хочешь, – сказал Рок и обнял Марью за плечи. – Передай лорду мое глубокое почтение. Мы будем приветствовать его, когда он завтра выйдет к народу.

– Разве ты не собираешься прийти на церемонию?

– Зачем? – фыркнул Рок. – Слушать, как надутые синдики часами препираются друг с другом? Я оставлю формальности тебе и Иле, раз уж у вас голова устроена так, что они вас не утомляют. Лучше скоротать время в таверне, если в городе осталась хотя бы одна!

Элоф улыбнулся вместе с остальными.

– Если осталась хотя бы одна, уверен, что ты найдешь ее. Оставь нам немного эля напоследок!

Элоф пропустил своих спутников вперед, а сам задержался в пыльной полутьме, наслаждаясь прохладой и тишиной после грохота бури. Клинок в его руке тоже был прохладным, как и латная рукавица в поясной сумке; казалось непостижимым, что через них совсем недавно протекала такая грандиозная мощь. Элоф мысленно вернулся к моменту вспышки, к тому краткому озарению, когда он интуитивно проник в сущность меча. Действительно, клинок был сделан не из металла. В нем мерцали длинные черные пряди, причудливо свитые и перекрученные, погруженные в густую и темную связующую субстанцию. Они казались глянцевыми и блестящими, словно локоны давно умершей красавицы, сохраненные для вечности неким волшебством; правда, лезвие клинка было тоньше самого тонкого волоса.

Элоф остановился у одного из высоких лестничных окон, за которым до сих пор вспыхивали отсветы молний, и пристально посмотрел на меч, но поверхность металла снова превратилась в непроницаемое зеркало. Пораженный внезапной мыслью, он перевел взгляд на рукоять и поднес ее ближе к свету. В ней, как и прежде, переливались плывущие облачные узоры, но теперь они были уже не серыми, а черными – заряженными энергией, подобно грозовым облакам, чья живая сила помогла заново отковать клинок.

– Раньше я не давал тебе имени, – тихо сказал Элоф. – Я не мог быть уверен в тебе. Но теперь я уверен; во имя тьмы, что льнет к тебе, я назову тебя. Будь же Несущим Тьму, Вестником Ночи, или Гортауэром на сотранском языке, и да падет тьма перед глазами моих врагов!

Повинуясь внезапному порыву, он взмахнул Гортауэром, и голос меча запел во тьме – высокий, торжествующий, более чистый и ясный, чем раньше. В нем слышались слова, воспламенявшие кровь Элофа, заставлявшие его забыть о холоде, сырости и предстоящей долгой прогулке под дождем.

– Темный путь лежит передо мной, – прошептал он. – Но по крайней мере я вернул себе одного верного спутника. Интересно, кого еще я смогу найти?

Глава 2

ЖРЕБИЙ БРОШЕН

Ветер завывал над болотными пустошами на тысячу диких голосов. Он гнал перед собой клубы темных облаков и пригибал к земле бурые осенние камыши. Элоф, охваченный лихорадкой, снова оказался за дребезжащей дверью своей кузницы и слышал в голосах ветра отзвуки древних битв – отдаленные голодные крики целого сонма мертвецов, лежавших в болотной топи, но теперь восставших и отправившихся на охоту вместе с ветром. Мощные порывы стучали в дверь, как настойчивые руки, как та почерневшая и полуистлевшая рука, из которой он взял меч...

Внезапно Элоф проснулся и некоторое время лежал, дрожа всем телом, пока не ощутил под собой теплую постель, а сверху – успокаивающий вес богатого, но изрядно поношенного стеганого покрывала. Холод пронизывал его тело только во сне, а болотные земли остались далеко позади. Но Элоф знал, что это был не совсем сон; какое-то время он прислушивался, и недоброе предчувствие свинцовой тяжестью вползло в его душу. Портьеры были темными силуэтами на фоне сумеречно-серого неба. Ни одна кисть не пошевелилась, однако голодный вой все еще звучал в его ушах.

Холщовый коврик заскользил под ногами, когда Элоф встал с постели. Холодный воздух обжег его кожу, а ступни ощутили прохладу гладкого каменного пола, когда он подошел к окну. Но оно было слишком узким, а наружная решетка мешала ему выглянуть наружу и увидеть, что творится внизу. Дом, как и большинство подобных домов в старом городе, был возведен вокруг прямоугольного внутреннего двора и являл внешнему миру угрюмо-непроницаемый фасад.

Элоф повернулся и вышел на открытую галерею, а оттуда поднялся по лестнице, ведущей на крышу. К тому времени, когда он оказался на старой черепичной кровле, у него кружилась голова, сердце бешено стучало, а в груди ворочалась знакомая боль; ночные труды исчерпали его силы. Ему пришлось некоторое время постоять, опираясь на рассыпающийся каменный парапет, прежде чем он смог выглянуть наружу.

Город внизу лежал в глубоком сумраке, но тут и там мелькали яркие огоньки факелов. И хотя воздух был неподвижным, как пыльный гобелен, гул голосов заметно приблизился и стал громче. В нем слышались злобные лающие выкрики, заставившие Элофа зябко передернуть плечами.

Он вздрогнул еще сильнее от прикосновения мягкого меха к голой спине и резко обернулся.

– Неудивительно, что ты весь дрожишь, – проворчала Иле. Плотно сложенная, коренастая, она поднялась на цыпочки, чтобы накинуть меховой плащ ему на плечи. – Встал на ноги не больше месяца тому назад и уже разгуливаешь нагишом!

– Со мной все в порядке! – негодуя возразил Элоф. – Там, где я родился, это называли бы теплым весенним утром.

Тем не менее продел руки в рукава плаща и с удовольствием ощутил тепло меховой подкладки. В городе говорили, что эта зима была самой лютой на памяти живущих, но весну тоже едва ли можно было назвать теплой.

– Вот и хорошо, – твердо сказала она. – В конце концов ты не можешь оправиться от лихорадки за один день!

Элоф улыбнулся, радуясь тому, что она готова подшутить даже над этим. Внезапное исцеление от смертельной раны на короткое время воздвигло некий барьер между ним и его друзьями, которые были свидетелями этого чуда. Иле, несмотря на всю ее привязанность к нему, была встревожена больше других. Лишь приступ лихорадки и последовавшая за ним долгая

болезнь, казалось, были свидетельством его принадлежности к человеческому роду и ценой, уплаченной за столь ужасную рану. Сомнения его друзей рассеялись: они помнили, какой клинок нанес удар, и видели в этом причину невероятных событий. Элоф не разубеждал их, но, когда его разум немного прояснился, он понял, что это не так. Однако даже сейчас его мысли начинали блуждать и расплываться, когда он пытался осмыслить случившееся; он сам знал не больше, чем они, ничуть не больше...

– Этот шум разбудил и меня тоже, – пробормотала Иле, вернув Элофа к действительности. – По-моему, люди просто не могут жить спокойно. Что они опять задумали? Судя по звуку, они приближаются сюда.

– Не знаю. Боюсь... слушай!

Они ясно услышали топот бегущих ног по булыжной мостовой, словно человек из последних сил уходил от преследования. И действительно: из-за угла на улицу, пошатываясь, выбежал юноша, почти мальчик – длинноногий и очень худой. На бегу его бросало из стороны в сторону от изнеможения; его смуглое лицо налилось кровью, дыхание с хрипом вырывалось из груди. Он нырнул в проем между домами и остановился, дрожа всем телом, когда увидел каменную стену цитадели, преградившую путь. Потом он повернулся, готовый к бегству, но в страхе отпрянул назад перед волной вопящих людей, нахлынувшей на него и отрезавшей последний путь к отступлению. В одно мгновение его окружили, повалили на мостовую и принялись избивать. Охваченные ужасом наблюдатели увидели веревку, спущенную из-за оконной решетки в стене внизу. Беспомощного юношу, кричащего и брыкающегося, подтащили к веревке.

Иле выругалась и повернулась к лестнице, но остановилась. Улица находилась четырьмя этажами ниже; к тому времени, когда они попадут туда, даже вооруженные, жертве уже ничем нельзя будет помочь. Элоф огляделся по сторонам. Многие тяжелые черепицы из глазурованной обожженной глины вывалились наружу, а другие расшатались; он потянул один кусок, и тот остался у него в руке. Снизу донесся взрыв лающего смеха – кто-то в толпе уже собирался набросить петлю на шею юноше, а другие приготовились тянуть веревку. Элоф прицелился и бросил черепицу.

Точность прицела поразила даже его самого. Черепица с глухим стуком врезалась палачу в затылок, и он без чувств растянулся на мостовой.

– Молодец! – крикнула Иле.

Спустя мгновение еще кусок черепицы попал в руку первому человеку, ухватившемуся за веревку; он согнулся пополам и завопил от боли. Остальные задрали головы и разразились сердитыми криками, но поспешно отступили, прикрываясь руками от града смертоносной черепицы.

Потом на улице раздался перестук подков, запели рожки, послышались новые крики, и внезапно высокий мужчина на белом боевом коне врезался в толпу бунтовщиков, раздавая приказы громовым голосом. У его пояса висел меч в ножнах, но он прокладывал себе дорогу огромным кнутом. Его бронзовые волосы развевались на ветру, а из толпы, подававшей то в одну, то в другую сторону в стремлении уклониться от ударов копыт и кнута, доносились пронзительные выкрики. За всадником появились люди в доспехах городской стражи и бросились на бунтовщиков, щедро раздавая удары древками копий.

При виде стражников буйство толпы сразу же сменилось паникой. Бунтовщики бросили свою жертву и разбежались, в спешке наступая на несчастного юношу, а всадник и стражники начали разгонять немногих оставшихся. Элоф облегченно вздохнул, но в следующее мгновение увидел, как один из оставшихся неожиданно повернулся, наклонился над распростертым юношей и хладнокровно всадил ему в живот длинный нож. Последний бросок Элофа лишь скользнул по бедру убийцы, и тот, погрозив кулаком на прощание, исчез в ближайшем проулке. Когда всадник легкой рысью вернулся к месту первой стычки, юноша уже перестал корчиться

и лежал неподвижно. По приказу всадника двое стражников подбежали к нему. Один из них склонился над телами палача и жертвы, потом посмотрел на всадника и покачал головой.

К тому времени, когда они наконец спустились вниз, Керморван уже был во внутреннем дворе. Он отвел своего коня на конюшню и на ходу громко распорядился о том, чтобы подали завтрак.

– У меня пропал аппетит, – мрачно сказал Элоф, проследовав за воином в прохладный сумрак малого обеденного зала, где седой старый слуга расставлял на столе несколько простых блюд. Иле, которой самой приходилось убивать людей без малейших колебаний, согласно кивнула.

– Вам нужно подкрепить силы, – сухо отозвался Керморван, оторвав большой кусок от буханки еще горячего пшеничного хлеба, лежавшей перед ним. – Вы, должно быть, сильно утомились, перебросав на улицу половину черепицы с моей крыши.

Он запил хлеб глотком крепкого сидра и улыбнулся уже более сочувственно.

– Знаю, вам ничего не оставалось делать. Но если без шуток, постарайтесь больше не трогать крышу: эта черепица очень старая, и ее замена обойдется недешево. Что касается мальчика, вы правильно сделали, когда отогнали этот сброд, но утешьтесь: несмотря ни на что, они в своем роде вершили правосудие. Этот юноша вместе с двумя сообщниками рано утром ограбил лавочника, пожилого человека, который вполне мог умереть от пережитого потрясения.

На высоких башнях цитадели, обращенных к морю, звонко запели трубы, приветствуя рассвет и возвещая о начале нового дня. Элоф потер щетину на подбородке.

– Но зачем? Ведь это лишь усиливает трения между горожанами и северянами и может привести к новому бунту. Ты уверен, что так оно и было на самом деле?

– Мы взяли одного из сообщников, и он во всем сознался. По его словам, они голодают, и я верю ему – одна кожа да кости. Но они также хотели отомстить за северянина, которого ограбили в пригородах на прошлой неделе. Отомстить! В результате, насколько мне известно, в сегодняшних беспорядках погибли еще двенадцать человек, причем десять из них северяне. А сейчас, наверное, жертв стало еще больше. Стоит ли удивляться, что я настаиваю на немедленном и безжалостном подавлении беспорядков? Если не положить им конец, они будут множиться.

– Да, но будь осторожен, – хмуро сказала Иле. – Ты накличешь беду на себя, если окончательно утратишь популярность среди горожан. Спроси Рока или Ферхаса: они слушают местные сплетни. Повсюду говорят, что ты слишком мягко обходишься с северянами. Они загнали этого юношу и собирались повесить его перед твоими окнами... сделать тебе небольшой подарок, раз уж ты так любишь северян. А ведь ты до сих пор лишь кандидат на должность Стража Границы и еще не имеешь надлежащей власти.

– Начиная с сегодняшнего дня все будет по-другому. И разве я не получил полную поддержку своих действий в Синдикате на ближайшие полгода?

– Брион и его крикливые приспешники вряд ли согласятся с этим, – заметил Элоф.

Керморван пожал плечами.

– Если другие не могут действовать достаточно быстро, я обязан исполнять свой долг, невзирая на Бриона. Даже без провокаций в городе было много бунтов и мелких стычек, Элоф; они начались в середине зимы, когда ты еще был болен и лежал в постели. Сначала мы думали, что это обычная человеческая глупость, первая реакция горожан на приток беженцев с севера, когда мы сами терпим горькую нужду. – Он снова пожал плечами. – Теперь понятно, чем это может кончиться. С каждым днем положение ухудшается, а беженцев становится все больше, пока эквешцы свирепствуют в Норденее. Простолюдины боятся; они не верят, что наша земля сможет прокормить всех. Честно говоря, я и сам начинаю сомневаться. Страх питает ненависть с обеих сторон, ненависть ведет к преступлениям, а преступления – к мятежу.

– И к всеобщему безумию! – фыркнула Иле, встряхнув своими густыми черными кудрями. – Вы, люди, просто сошли с ума, если можете творить подобное насилие над своими сородичами и готовы терпеть насилие в ответ. Посмотрите на нас! Разве мы втроем не прошли через многие опасности и не успели на помощь твоему народу? И какую благодарность мы получили? Конечно, Керморван, тебе они рукоплещут – во всяком случае, многие из них. Они готовы сделать тебя Стражем Границы, и это заслуженная честь. Но мы? Даже твои сторонники в Синдикате указывают пальцами на Элофа как на какого-то северного чародея, возможно, благожелательно настроенного, но недостойного доверия. А меня они называют его любовницей! Я вряд ли смогу выйти в город без сопровождения... и это твои друзья! А что говорят твои враги – этот лунатик Брион со своей сворой...

– Но они просто злобствуют! – запротестовал Элоф. – Совершенно ясно, что Брион стремится лишь свести старые счеты. Не можешь же ты утверждать, что многие, кроме его ближайшего окружения, считают...

– Их больше, чем ты думаешь! – отрезала Иле. Ее темные глаза сверкнули. – Они не хотят верить, что находились на грани поражения и гибели. Кроме того, им не хочется признавать, что они были спасены чужестранцами. И с каждым днем их становится все больше. Что ж, с меня достаточно. Я уйду, и скоро! Обратно в подгорное царство, а этот город может хоть опуститься на дно морское: мне все равно!

Мужчины вскочили и принялись возражать, но Иле упрямо скрестила руки на груди и с каменным лицом откинулась на спинку стула.

– Не тратьте слов попусту! Я терпела так долго лишь для того, чтобы убедиться, что Элоф выздоровел и мое лечение прошло успешно. Теперь он больше не нуждается во мне. Я приняла решение.

Керморван тяжело вздохнул.

– А ты, Элоф? Что ты будешь делать теперь, когда чувствуешь себя бодрым и здоровым? Надеюсь, хотя бы ты не хочешь уйти. Мой дом принадлежит тебе, пока ты готов жить здесь, а горожане уважают тебя; они видят твою светлую кожу и забывают, что ты пришел с севера...

– Да, но смогу ли я сам забыть об этом?

Керморван вспыхнул от смущения и замешательства.

– Ты меня неправильно понял! Я лишь имел в виду, что ты мог бы помочь им преодолеть глупое недоверие к северянам. Ведь первые люди со смуглой кожей, которых видели здесь, были эквешцами, а твои сородичи похожи на них... даже слишком похожи для тех, кто видел ужасы осады. Но если мы с тобой сможем открыть им глаза на старинное родство, есть шанс...

Элоф покачал головой.

– Мне очень жаль. В твоих словах есть истина, но это не для меня. Моя главная цель была достигнута, и мой самый тяжкий долг был исполнен, когда зло, которое я выпустил на волю, исчезло из этого мира. Теперь меня манит иное обещание, и я должен отправиться в другое место.

Керморван нахмурился.

– В какое место?

– Не знаю. – Элоф выглянул во двор, где первые лучи солнца согревали брусчатку внутреннего двора. – Знаю лишь, в какой стороне оно находится. Я должен идти туда, вслед за рассветом, и обойти хоть весь мир, если придется. Я не могу долго задерживаться здесь – вернее, не смею.

– Понятно, – кивнул Керморван. – Но ты останешься хотя бы на сегодняшнюю церемонию? А ты, Иле? По крайней мере вы можете это сделать, прежде чем принимать окончательное решение. Возможно, вы услышите нечто такое...

– Сомневаюсь, – проворчала Иле.

– Она придет! – с улыбкой заверил Элоф. – Она ни за что на свете не пропустит подобное зрелище, да и я тоже. Ты скажешь то, о чем говорил нам?

Керморван встал из-за стола и потер затекшую поясницу.

– Да... во всяком случае, отчасти. – Он сделал долгий, решительный вдох, и его лицо стало жестким. – Я хочу, чтобы меня услышали. Синдики долго тянули с обсуждением вопроса о северных беженцах. Мы должны решить его, обеспечить нашу безопасность, и поскорее. Любой ценой!

Суровая решимость на его лице неожиданно сменилась улыбкой.

– Вы можете не торопиться с едой, но я должен прибыть в Синдикат заблаговременно. Ферхас, подай мой плащ! Приходите, прошу вас, приходите вдвоем! Если дела пойдут так, как я предполагаю, мне понадобится дружеская помощь.

Он вышел из-за стола и поднялся по широкой лестнице. Ножны длинного меча хлопали по сапогу для верховой езды, словно подчеркивая громогласные призывы, обращенные к оруженосцу. Элоф обвел взглядом сумрачный зал с выцветшими и облезшими фресками на стенах, с многочисленными портретами, потемневшими за века от копоти подвесных ламп.

– Керморван ценит нас, – тихо сказал он. – Да, у него есть почитатели, и сейчас он окружен льстецами. Но у него нет близких...

– Я знаю. – Иле неодобрительно хмыкнула. – Бедняга вырос в этом мрачном месте, где за ним ухаживали лишь несколько пожилых женщин, а его наставником был оруженосец умершего отца. Удивительно, что он не стал еще более странным, чем есть.

– Думаю, у него мало таких же близких друзей, как мы, – сказал Элоф. – И эта церемония много значит для него. Если ты увидишь ее, то сможешь потом сказать своим сородичам, что у них есть один преданный сторонник среди наших правителей, несмотря на всю нашу дикость и безумие...

– Вашу? – возмутилась Иле. – Не причисляй себя к этому народу! Ты совсем другой породы, какая бы кровь ни текла в твоих жилах. И он тоже. Он поступил разумно, заняв пост временного Стража Границы, пока была возможность, хотя это трудная и неблагодарная работа. Почести, которые ему оказывают, не дают богатства даже для того, чтобы залатать собственную крышу, не говоря уже о том, чтобы поддержать жизнь людей. Что станет с их благодарностью после того, как он усмирит еще несколько бунтов? В конце концов он окажется в таком же положении, как раньше, когда ему пришлось бежать из города. Его сторонники будут проламывать головы приспешникам Бриона на улицах, а простые горожане будут проклинать их обоих. Ферхас говорит, что даже среди его друзей ползут слухи... Только на этот раз эквешцы придут пировать на руинах! Что же, если ты настаиваешь, я пойду на церемонию, хотя мое сердце не лежит к этому. Я боюсь, Элоф, боюсь...

– Ты? Чего ты можешь бояться?

– Ничего... и всего сразу. Этот огромный человеческий улей угнетает меня: он притупляет мой разум так же, как солнце слепит мне глаза. Я пугаюсь любой тени, вот и все. – Она бросила ломоть хлеба на его тарелку. – Ешь и не обращай внимания.

Но час спустя, когда они вышли на солнечную улицу, Элоф вполне мог понять ее чувства. Толкотня и гомон Кербрайна со всех сторон обступили его, принося с собой звуки и запахи великого множества людей. Начиная от похожей на утес цитадели над головой до первых низких склонов холмов вокруг города, везде и повсюду волновалось настоящее человеческое море. Стены и дома поднимались, как вершины кораллового рифа, над которыми курились дымки печных труб. Какими бы огромными и величественными ни были сооружения дьургаров, по сравнению с этими они казались тихими и пустыми; в них не было такого ощущения напряженной, кипучей жизни и подспудного беспокойства. Однако Элоф понимал городскую жизнь немного лучше, чем Иле, и то, что пробуждало в ней лишь презрение, отзывалось в нем жалостью. Горожанам пришлось пережить двойное потрясение: сначала от внезапной опустоши-

тельной атаки, когда они считали себя богатыми и неуязвимыми, а затем от огромного притока северян, бежавших от эквешских рейдеров. Люди обращали взоры к своим правителям, ожидая мудрого слова или простого жеста, который вернул бы им былую уверенность в себе. Но теперь они копили недовольство и начинали подозревать то, что вполне могло оказаться правдой: любые слова и жесты не имели никакой силы, и для них больше не было никакой возможности возврата к прошлому. В такое время легко искать козлов отпущения.

Они слышали приветствия в адрес Керморвана, когда он выходил из дома, но теперь Элоф видел, как головы людей на оживленной улице поворачиваются в их сторону, и слышал или догадывался о темных пересудах и зловещих шепотках за их спиной. Он замечал признаки высокомерного неодобрения и чувствовал, как горожане со страхом и недоверием тычут пальцами им вслед. Согласно распространенному предрассудку, дьургары считались отребьем, не лучше помойных крыс, а он сам для обывателей был кем-то вроде некроманта, якшавшегося со всяким сбродом.

Элоф закинул за спину холщовую суму с инструментами, которую взял с собой, чтобы закончить кое-какую работу для Рока, и взял Иле под руку. Ее походка была скованной и напряженной. Нигде среди людей, даже в стенах дома, который они только что покинули, она не чувствовала себя в безопасности.

К счастью, путь до Синдиката был недолгим. Крыша родового поместья Керморвана, хотя и находившаяся в плачевном состоянии, высоко поднималась над домами Старого города на фоне скалистых утесов северной стороны цитадели. Перед ее более пологой восточной стороной открывалась широкая прямоугольная площадка, вымощенная белым камнем, – так называемая Цитадельная площадь, – одну сторону которой занимал массивный серый фронтон здания Синдиката. Снаружи оно производило впечатление суровой простоты: единственным украшением был ряд строгих колонн по обе стороны от парадного входа, поддерживавших большой крытый балкон с видом на площадь, откуда синдики обращались к толпе горожан на площади в особенно торжественных случаях. Иле недовольно косилась на сутолоку на ступенях лестницы, но шагала рядом с Элофом как ни в чем не бывало. Толпа поспешно расступилась, открыв им проход, словно люди боялись прикоснуться к ним, и она горько улыбнулась.

– Как видно, даже у отребья есть свои привилегии!

Когда они вошли в здание, ощущение суровой простоты исчезло, так как изнутри стены были покрыты красочной многоцветной мозаикой. Судя по размерам женских и мужских фигур, их героическому виду и особым атрибутам, Элоф догадался, что они являются образами Сил, наиболее почитаемых народом Брайхейна. Здесь был Ниарад со своей сетью, покровительствующий мореходам, и Илмаринен, высвобождающий поток лавы, чтобы создать скалу для цитадели, а также многие другие, которых он не знал. Он тщетно искал фигуру в черных доспехах или синей мантии, пока Иле не указала на вершину больших дверей впереди. Над их широкой аркой восходило солнце, сияющее позолоченными лучами, а на фоне солнечного диска летел огромный ворон с раскрытым клювом. Когда они проходили мимо, Иле поклонилась Илмаринену, но Элоф лишь сверкнул глазами в сторону ворона.

Створки дверей, почерневшие от времени, были толщиной в локоть и такими широкими, что раскрывались почти во весь пол внутреннего зала. Обычно они оставались плотно закрытыми, защищая тайны Синдиката от любопытства горожан, но в редкие дни, такие как этот, они распахивались настежь и позволяли собравшимся быть свидетелями торжественной церемонии. Ферхас, официальный оруженосец Керморвана, но на самом деле его мажордом и дворецкий, ожидал их там, беспокойно потряхивая гривой седых волос. Он быстро проводил гостей по мраморной лестнице к местам, специально отведенным для них перед заполненной горожанами общественной галереей, расположенной над залом собраний напротив парадных дверей, но сам остался стоять немного позади. Элоф сухо улыбнулся. Даже старый, умудренный годами Ферхас был таким же горожанином, как и обыватели, которые опасливо расступались при их

приближении; как бы он ни ценил преданных друзей своего хозяина, он тоже считал северян в лучшем случае чужаками, а в худшем – варварами, и еще менее был способен избавиться от старинных предрассудков по отношению к дьургарам. Из-за этой внутренней борьбы с собой он постоянно испытывал беспокойство в их присутствии, лишь люди, больше повидавшие мир, торговцы и путешественники, такие, как Катэл Катайен, имели более широкие взгляды. Сейчас в городе их было немного, не более десятка среди четырехсот с лишним синдиков. Но мог ли Керморван полагаться даже на них, отстаивая права беженцев, если большинство выскажется против?

Элоф обвел взглядом пустой чертог с ровными рядами сидений из полированного камня и позолоченного дерева, иногда украшенных знаками и гербами там, где место принадлежало кому-то по праву происхождения или состоятельности. Хотя свет, льющийся из окон с многоцветными стеклами, придавал помещению некоторую теплоту, общее впечатление было холодным, жестким, проникнутым духом ушедшего величия. Так же выглядели и синдики, церемонно входившие в зал, гордые и надменные в своих тяжелых мантиях. Многие лица напоминали Элофу старейшин Эшенби. То были сильные и часто способные люди, но слепые ко всему на свете, что не имело прямого отношения к их интересам; насколько ему было известно, в защите этих интересов они могли быть столь же эгоистичными и драчливыми, как дети.

Зеленые мантии принадлежали землевладельцам и другим состоятельным людям, серые – ученым и чиновникам, коричневые – купцам и городским торговцам, однако их оттенки, узоры и украшения сильно различались, иногда указывая на принадлежность к какой-либо фракции Синдиката, но чаще свидетельствуя о богатстве владельца. Две самые крупные фракции, некогда аристократы и простолюдины, а теперь представители старой и новой знати, носили мантии более светлого или темного оттенка своего цвета. Некоторые серые мантии были самыми роскошными и богато украшенными, в то время как алые мантии, принадлежавшие воинам и надеваемые поверх доспехов и оружия, которое они одни имели право носить в этом собрании, выглядели изрядно поношенными и обветшавшими – но только не та, которую носил угрюмый мужчина огромного роста, даже выше Керморвана. Его мантия была светло-красной, украшенной на груди вышитым изображением когтя и разорванной цепи. Отделанная по краю золотой каймой, она свидетельствовала о высоком положении и авторитете, как и небрежный кивок, которым он ответил на громкие приветствия значительной части собравшихся в зале.

Наконец стражники призвали всех к молчанию, и створки церемониальных дверей в задней части зала со скрипом разошлись в стороны. И синдики, и зрители поднялись со своих мест, а толпа на ступенях лестницы подалась вперед, чтобы лучше видеть. В зал вошли два пожилых лорд-маршала в серых мантиях, с одинаково озабоченным выражением на лицах, а за ними, в алых мантиях и доспехах, Стражи Восточной и Южной Границ по обе стороны от Керморвана – избранного, но еще не вступившего в должность Стража Северной Границы. Но при виде Керморвана гул приветствий внезапно стих и сменился изумленным перешептыванием. Мантия, которую он носил, была не алой, а черной, с тяжелой золотой окантовкой по краям и воротнику, а на его груди золотом была вышита эмблема Ворона и Солнца. Стражники ударили жезлами в мраморный пол, снова призывая к молчанию, пока процессия продвигалась к центру зала, где стояло высокое сиденье, расположенное справа от кресел лорд-маршалов. Но до того, как они успели приблизиться, угрюмый воин в красной мантии быстро прошел между рядами и преградил им путь.

– Подождите! – крикнул он, и эхо его мощного голоса отдалось под сводами. – Одну минуту, милорды! По какому праву вы впускаете этого человека в зал Синдиката и ведете его к почетному месту? И по какому праву ему позволено носить эту мантию?

Лорд-маршалы пораженно уставились на него, между тем как в зале и на площади послышался сердитый гул разгорающихся споров. Многие люди в толпе и даже некоторые синдики

разразились негодующими криками в адрес Мрачного воина, но тут на другом конце зала поднялся еще один человек в коричневой мантии с меховой каймой, лишь подчеркивавшей его дородное телосложение. Его звучный, басовитый голос перекрыл шум:

– По праву решения этой ассамблеи, которое было принято полгода назад и с тех пор никем не оспорено, лорд Брион! А также в знак признания его заслуг и в награду за великие дела. Насколько мне известно, ты не устаивался подобных почестей!

– Но как быть с этой удивительной мантией, милорд Катэл?

– М-м-м, что касается мантии... – Голос торговца, как всегда, был медовым, но отчасти утратил первоначальную уверенность. – Что ж, он сам выбрал свой наряд, и я не знаю закона, который бы запрещал это.

Керморван с достоинством поднял голову.

– Уважаемые лорд-маршалы, это мантия, которую носил мой прадед на собраниях Синдиката, что является древним и неоспоримым правом нашего рода. С каких пор это могло измениться? И по какому праву здесь задают подобные вопросы?

– Вопрос был задан из-за настоятельной необходимости отменить поспешное и опрометчивое решение, принятое в трудную минуту, – с не меньшим достоинством ответил Брион. – А вслед за этим, возможно, определить степень вины и назначить наказание.

Резкие шепотки, изумленные и испуганные, пронеслись по залу, отозвавшись шуршанием сухих листьев под куполом крыши. Из толпы снаружи снова донесся глухой ропот, в котором звучало как согласие, так и недовольство.

– Но... но он даже не занял свое место в собрании! – возмутился старший лорд-маршал – тучный краснолицый пожилой человек с коротко стриженными седыми усами. Его голубовато-серые глаза были не пронизывающими, как у Керморвана, а мутными и выпученными.

– Похож на дохлую рыбу, – прошептала Иле. – Только соображения еще меньше.

– Тогда пусть стоит, – тихо сказал Брион. – Как и все остальные, кого приводят сюда, чтобы услышать наш приговор.

Ему ответил нестройный хор голосов. Элоф мог слышать, что ни в зале, ни в толпе сторонники Керморвана не преобладают; тут и там вспыхивали мелкие стычки, и группы стражников торопливо устремлялись в разные стороны, чтобы утихомирить нарушителей спокойствия. Сконфуженный лорд-маршал совещался со своим коллегой, более молодой копией самого себя. Оба недоверчиво поглядывали и на Бриона, и на Керморвана и, когда стражники наконец восстановили порядок, объявили, что все временно могут занять свои места, но без торжественной церемонии, а Брион имеет право высказаться. Тот улыбнулся, отвесил изящный поклон и вышел в центр зала.

– Уважаемые лорд-маршалы и собратья синдики! Прошу прощения за любые слова, которые могли показаться вам недостаточно учтивыми, но для меня это было единственной возможностью предупредить то, что в противном случае было бы нелегко отменить. Мастер Катэл, оправдывая странное решение Синдиката, вы упомянули о неких великих деяниях, совершенных этим человеком. Но мы, как и все остальные достойные горожане, вынуждены спросить: совершались ли вообще такие деяния?

– Ч-что это за глупость? – запинаясь, спросил лорд-маршал в потрясенной тишине.

– Боюсь, это ваша глупость, – сурово ответил Брион. Он повернулся к другим синдикам. – К чему сводятся эти деяния? К хитроумной уловке, которая, со стыдом вынужден признать, была поддержана некоторыми в этом городе и названа причиной поражения всей варварской армии, осаждавшей Кербрайн. Но каким образом? – Он покачал головой, словно в изумлении. – Убив одного из их предводителей и уничтожив какой-то дикарский тотем, на силу которого, по его же утверждению, полагались захватчики? Но я прошу вас без спешки и ненужной доверчивости снова посмотреть на события тех горестных дней. Неудивительно, что мы были отброшены назад при первой атаке, ибо варвары напали на нас без малейшего

предупреждения, а мы, мирные люди, и не были готовы к войне. Но через день-другой мы собрались с силами, составили план действий, перешли в наступление и загнали их обратно в море! Чего же еще можно было ожидать? Как могли неорганизованные дикари выстоять против объединенных сил нашего города? Спросите себя, следует ли нам в самом деле обращаться к вымышленным чудесам, чтобы объяснить их поражение? Или мы сами погрязли в дикости и опустились до уровня северян, которые верят в колдовские заговоры над металлом?

Он обвел зал высокомерным взглядом.

– Похоже на то. Где-то на задворках большой битвы человек разыгрывает ловкое представление с трупом убитого вождя и сломанным оружием – как будто и того, и другого в тот день было недостаточно! – и мы, почти без понукания, уже готовы пасть к его ногам и восхвалять его за наше чудесное спасение. Без сомнения, он заручился поддержкой тех, кто с радостью отрешил бы нас от взаимных обязательств друг перед другом, чтобы потом было легче угнетать людей и заставить их отвернуться от своих избранных предводителей. От нас!

Последние слова были произнесены негромко, но в них слышалось гневное шипение воды, попавшей на раскаленную сталь.

Элоф сидел в каком-то оцепенении, попав под леденящее очарование замысла, разворачивавшегося перед ним. То был тонкий и коварный замысел, обращенный к самым косным и предубежденным сторонам сотранского характера, но прежде всего к синдикам. Они должны были помнить и знать, что события происходили совсем не так, как их описывал Брион; к примеру, откуда ударила молния, разрушившая городскую стену? Но он мастерски заставлял их разувериться в том, что они видели собственными глазами, и искажал их воспоминания, вызывая к их личным интересам и даже намекая на то, что Керморван угрожает их власти.

Словно в предчувствии успеха, Брион стал более добродушным. Он улыбнулся и неспешно огладил кудрявую бороду.

– В конце концов, почему мы должны верить человеку, которого смолоду знаем как дерзкого хвастуна и бездельника? Разве это почтенное собрание не было готово приговорить его к изгнанию, если бы не его позорное бегство, дабы избежать формального приговора и ареста его собственности? А что мы слышали о нем после этого? Истории о том, что он свел дружбу с кучкой голодных корсаров, а потом внезапно исчез из их логова и появился через два года, во время вероломного нападения варваров – нападения, которым он постоянно угрожал...

– Предупреждал, – сказал Керморван очень тихо, но так неожиданно, что все взоры обратились к нему. – Предупреждал, а не угрожал.

Брион слегка поклонился в его сторону.

– Как хочешь, но это ничего не меняет. Значит, годами предупреждал нас в попытке посеять панику, которая приведет его к власти. И в конце концов, кажется, ему это удалось!

Перемена в голосе Бриона была поразительной; он зазвучал с такой силой, что перекрыл первые крики протеста.

– Действительно, эти эквешские варвары застали нас врасплох, но разве вы – каждый из вас – не задавали себе вопрос: как такое могло случиться? Почему банда морских дикарей могла решиться на осаду, уже не говоря о том, что им удалось пробить стену величайшего города в Южных Землях? Как еще им удалось бы сделать это, если не благодаря предательству?

Тут Брион отвернулся от Керморвана и многозначительно посмотрел на галерею, туда, где сидели Элоф и Иле.

Лицо Элофа обдало жаром, как будто он склонился над пылающим кузнечным горном. Он вскочил, схватился за деревянное ограждение и крикнул:

– Ты называешь меня предателем? Но что сказать о человеке, который прячется на городских стенах во мраке ночи? Что сказать о человеке, который пытается тайно убить встреченных путников, хотя они просят лишь о том, чтобы их привели к старейшинам? Этому есть достаточно свидетелей!

Ропот толпы напоминал шум приближающегося камнепада. Керморван метнул в сторону Элофа предупреждающий взгляд, а Иле потянула его за рукав. Брион даже не взглянул на кузнеца; его голос оставался таким же ровным и спокойным, как раньше.

– Что ж, давайте вспомним об этом странном возвращении. Разве он пришел к нам открыто и по-братски, чтобы занять свое место среди равных? Он этого не сделал. Он пришел глухой ночью, поднявшись по осаждаемой стене с двумя спутниками. Кто же явился вместе с ним? Северный бродяга, первый из многих, и, хотя в это трудно поверить, тварь из горных пещер, принадлежащая к расе, столь же дикой, как людоеды из-за моря, но еще больше похожей на зверей!

На Элофа нахлынули воспоминания о богатых и величественных чертогах в глубине горных пещер, о зеркально-темных речных водах под каменными арками, о мужественных и мудрых лицах дьургаров, отмеченных печатью возраста и великого мастерства, – о народе, устремившемся в неведомое, бежавшем от своей судьбы и поверившем в мощь своих рук, чтобы отковать ее заново...

Он был готов вскочить, чтобы излить свое презрение в лицо Бриону и сопроводить слова ударом кулака. Но Иле, к его удивлению, сохраняла спокойствие, хотя ее густые брови были угрюмо сдвинуты к переносице.

– Сиди тихо! – прошипела она, и Элоф внезапно вспомнил, как велика разница в их возрасте, несмотря на внешний вид. – Здесь мы лишь ничтожества, не более чем доводы в чужом споре. Отвечать нужно не нам, а Керморвану.

– Тогда пусть отвечает поскорее!

Брион указал на Керморвана.

– Как вы думаете, что бы о нем сейчас сказали его предки, которыми он похвально? Боюсь, то же самое, что и я. Если бы за время, прошедшее после его возвращения, он доказал свою правоту, то услышал бы от меня самые искренние извинения, и сегодня я бы первым последовал за ним. Но что он принес нам с тех пор? Помощь и мудрость, в которых мы нуждаемся? Едва ли. Вместо этого он позволил стаям стервятников селиться на наших уже опустошенных полях под предлогом давно забытого родства. А сколько их еще придет сюда, когда северные рубежи окажутся в его руках? Опустеют ли Северные Земли, чтобы мы могли прокормить всех нищих и бродяг? Уже сейчас эти полудикие северяне, которых он так страстно защищает, грабят и творят бесчинства среди вас, убегая на юг от своих родичей-людоедов. Смотрите, как они выхватывают хлеб изо рта ваших голодных детей, как отнимают то малое, что у вас еще осталось, даже крышу над головой! Странная забота о городе, который он якобы поклялся защищать! Либо он безумен, либо поступает умышленно. Каким же может быть его замысел?

Брион махнул рукой в сторону Керморвана, не посмотрев на него.

– Я даже благодарен ему за его высокомерие. Его гордыня столь безмерна, что в мнимый час своего торжества он избавил меня от труда убеждать вас. Он сам облек плотью свой темный замысел! Посмотрите, во что он одет!

Элоф не мог понять смысл последних слов, но эта стрела вонзилась глубже, чем любая из предыдущих. Мгновение ошеломленной тишины сменилось ревом, словно гигантская волна разбилась о прибрежный утес. Элоф слышал крики сторонников Бриона и Керморвана, но их как будто питало одно и то же чувство: безудержный гнев, сотрясающий толпу и своды чертога, синдиков и зрителей, словно разряд молнии, перескакивающий от одного облака к другому. Повсюду вспыхивали потасовки, распространявшиеся вширь, подобно кругам на воде. Ярость овладела умами; ярость, сама причина которой, казалось, была забыта под ее безумным натиском. Зрелище действительно было похоже на волну, подгоняемую сзади криками и целенаправленной толчеей. Огромная толпа качнулась вперед и хлынула вверх по лестнице, а потом устремилась через распахнутые двери в зал Синдиката. Элоф вздрогнул, услышав глу-

хое рычание самого жестокого и чудовищного зверя – слившейся воедино массы беснующихся людей. Синдики в гневе и тревоге вскочили со своих мест, но их крики потонули в общем реве. Прежде невозмутимые соседи Элофа на галерее тоже вскочили и принялись кричать, сначала в зал, а потом друг на друга. Множество ног протопало по внутренней лестнице, и первая группа возмутителей порядка ворвалась на галерею.

– Они сошли с ума! – крикнула Иле, уворачиваясь от кулаков, замелькавших у нее над головой. – Окончательно спятили, все эти...

Затем клубок переплетенных тел, изрыгающий проклятия, прокатился между ними, и их разнесло в стороны. Повсюду вокруг Элофа зрители разбегались в панике, спотыкаясь на ступенях и налетая друг на друга; один из них едва не перевалился через низкую каменную балюстраду.

– Иле! – крикнул он и услышал в ответ ее слабый голос: «Элоф, берегись! Сзади!»

Он повернулся и увидел группу высоких мужчин, решительно прокладывавших себе дорогу в его направлении, – пятерых меднолицых северян с жесткими и беспощадными лицами. Они увидели его в то же мгновение и прибавили ходу. Элоф заметил блеск стали под их одеждой, и его рука метнулась к рукояти меча, оставленного в доме Керморвана. Он выругался, схватил тяжелую скамью, на которой сидел, и с усилием оторвал ее от пола как раз в тот момент, когда рука с ножом метнулась к нему. Лезвие застряло в дереве; тогда Элоф перевернул скамью и обрушил ее на голову нападавшего. Другой всем весом налег на скамью и вырвал ее из рук кузнеца, а остальные бросились вперед. Элоф в отчаянии огляделся по сторонам, увидел у своих ног раскрывшуюся суму с инструментами и схватил большой молот, которым недавно отковал свой меч на вершине башни. Несмотря на короткую рукоять, в остроконечной головке молота заключалась страшная сила, ибо в нее был залит жидкий металл необычайного веса. Лишь дьургары знали, как очищать этот металл от примесей и надежно удерживать его.

Элоф проворно выпрямился и взмахнул молотом против ближайшего клинка. С резким металлическим хрустом длинный нож переломился в руке владельца. Бок Элофа пронзило ледяной болью; он почувствовал, что лезвие застряло в его куртке, отступил назад и ударил снова. Раздался жуткий глухой хлопок, молот погрузился глубоко в плоть, и человек в корчах рухнул на пол. За ним маячил следующий, в поднятой руке которого был уже не нож, а короткий меч. Кто-то схватил Элофа за руку сзади и взял его горло в удушающий захват согнутым локтем другой руки. Потом он неожиданно освободился, как будто кто-то отбросил нападавшего в сторону. Не имея места для замаха, он всадил молот прямо в живот мечнику; тот согнулся пополам, а рука Элофа, державшая молот, поднялась и опустилась один раз.

Услышав хриплый крик, он обернулся и увидел Иле у балюстрады, полузадушенную, но продолжавшую бороться с оставшимися двумя убийцами. Значит, это она освободила его! Из зала внизу доносились вопли и звон мечей, но Элоф не обратил на это внимания и бросился на выручку через толпу. Убийцы увидели его; один из них оттащил Иле от балюстрады, превратив ее в подобие живого щита между ними и Элофом, а затем оба бросились вверх по галерейной лестнице к двери. Не раздумывая, Элоф раскрутил молот и бросил его вслед, словно кусок черепицы. Молот пролетел на расстоянии ладони от темных локонов Иле, и один из бегущих завopil от ужаса, когда увидел, как голова другого превратилась в месиво из мозгов и крови. Иле высвободила руку и в тот момент, когда Элоф наконец протолкался к ней, схватила своего противника за горло и повалила на пол. Тот сразу же вскочил, гибкий как змея, и выхватил из рукава раскладной нож. Лезвие ножа промелькнуло у ее горла, но она успела отклониться в сторону, развернулась и вложила всю свою дьургарскую силу в мощный толчок. Убийца кубарем покатился по ступеням, ударился о балюстраду, выбросил руки в отчаянной попытке ухватиться за гладкие перила, но не удержался и с воплем полетел вниз.

Тяжело дыша, Элоф огляделся по сторонам. Сколько всего было нападавших? Тут кузнец увидел, как человек, чью руку он раздробил молотом, рванулся к двери, отогнав старого

Ферхаса выставленным ножом. Он почти добежал до выхода, когда снаружи донесся лязг оружия; он отшатнулся, но в дверном проеме уже возник высокий силуэт воина, облаченного в мантию. С жуткой внезапностью лезвие меча высунулось наружу между лопатками человека. Затем на галерею повалили стражники: они принялись умирять мечущихся людей и сгонять их к лестнице.

Элоф посмотрел на мертвого убийцу и на человека в красной мантии, вытиравшего лезвие меча о кожаный камзол своей жертвы. Словно почувствовав, что на него смотрят, тот поднял голову и насмешливо вскинул бровь.

– Снова буйствуешь, сир кузнец? Здесь, в Синдикате, никому не позволено швыряться черепицей. Пусть судьба этого негодяя будет для тебя предупреждением. Но кажется, ты тоже пострадал; надеюсь, этот урок пойдет тебе на пользу!

Элоф опустил глаза. Лишь теперь он увидел пятно крови на боку, вспомнил о ледящем прикосновении ножа и снова почувствовал боль.

– Царапина, не более того. И хотя я рад, что ты хотя бы однажды решил усмирить беспорядки вместо того, чтобы разжигать их, Брион, твоя помощь запоздала. Как и раньше, нам пришлось взять большую часть работы на себя.

Краска бросилась в лицо Бриону, но он лишь пожал плечами.

– Достойное зрелище, – проворчал он и ткнул носком сапога безжизненную смуглую руку. – Северяне убивают северян! Твой приятель положил еще двоих там, внизу. Возможно, он учится уму-разуму. Эй, стража, уберите эту падаль!

– Северяне? – пробормотал Элоф и последовал за стражниками, волочившими трупы вниз по лестнице. – Сомневаюсь... Я вырос среди них, помнишь? Да, у них смуглая кожа, но посмотри на их лица, на ритуальные шрамы! Они скорее напоминают...

– Да, клянусь кишками Амикака! – взревел Катэл, ворвавшийся в дверь вместе с Керморваном, наступавшим ему на пятки. – Эквешцы, как и те, что внизу! Откуда они взялись, во имя преисподней?

– Возможно, они из отряда эквешских фуражиров, – задумчиво произнес Керморван. – Отбились от своих во время отступления, а потом тайно проникли в город под видом беженцев, чтобы отомстить. Им представился такой случай во время беспорядков, учиненных крикливыми приверженцами лорда Бриона. Но есть другая, более зловещая возможность. Они могли быть шпионами и наемными убийцами, специально посланными сюда из эквешских поселений на севере. В таком случае...

– Так или иначе, мы больше не можем позволить себе якшаться с северянами, – перебил Брион. – Кажется, ты наконец становишься умнее!

– Ты неправильно понял меня, Брион. Это доказывает мою правоту, а не твою.

– В чем же она заключается, твоя правота?

– Ты услышишь это, когда мы возобновим заседание, и чем скорее ты призовешь своих цепных псов к порядку, тем раньше это произойдет. Предлагаю тебе заняться этим.

В густой бороде Бриона мелькнула безрадостная улыбка.

– Я еще не все сказал. Но, наверное, будет лучше, чтобы твой приговор прозвучал из твоих собственных уст.

– Ты делаешь успехи, – проворчала Иле, обращаясь к Элофу, когда они устало возвращались обратно на галерею. – Брион уже говорит с тобой, а не упоминает о тебе в твоем присутствии. Чудеса никогда не прекратятся! Кстати, о чудесах: просто удивительно, как ты разобрался с тем, кто набросился на тебя сзади. Я рвалась тебе на выручку, но меня уже почти задушили.

– Но ведь ты помогла мне! – озадаченно произнес Элоф, собирая с пола свои разбросанные инструменты. – Его оттащили...

Она упрямо покачала головой.

– Только не я. Второй, напал на меня лишь после того, как ты стряхнул его.

– Кто же тогда?

Иле пожала плечами и села подальше от окровавленного конца скамьи.

– Возможно, он поскользнулся.

– Я не могу этого объяснить. Но они определенно были убийцами и знали, на кого им нужно нападать. Интересно, что Керморван скажет об этом?

Синдики и все остальные притихли, когда Керморван выступил вперед, собираясь говорить. Какое-то мгновение он смотрел на них, потом повернулся к Бриону, и его взгляд стал очень холодным. Слова Керморвана зазвенели в тишине, эхом отдаваясь от мраморных стен.

– Синдики и жители Кербрайна! Сегодня вы слышали, как милорд Брион Брайхирн выдвинул против меня тяжкие обвинения. Я давно знаю этого человека, поэтому слушал его подлинные слова, а не темные намеки. Большею частью он просто высекал искры искусно составленными вопросами и позволял вам самим раздувать пожар. Ему прекрасно известно, что туманные и бессодержательные рассуждения труднее опровергнуть, чем полновесную истину. Но правда – это лучшее, что я могу вам предложить, и предупреждаю заранее, что это будет не та правда, которую вы хотите услышать. Однако вы ничего не достигнете, если начнете буйствовать или постараетесь перекричать меня. Правда остается правдой, и даже если вы заставите меня замолчать навеки, это ничуть не изменит планов тех сил, чью работу я вижу в Кербрайне, – разве что ускорит их осуществление.

Он с презрением посмотрел на Бриона.

– У меня есть подробные ответы на пустые обвинения, выдвинутые этим человеком, но пока что я удовлетворюсь несколькими примерами. Для начала возьмем корсаров. Я присоединился к ним лишь потому, что они были готовы сражаться с эквешцами, когда все остальные, живущие на юге, высмеивали саму мысль о том, что эквешцы могут представлять угрозу. Они верили небылицам, распространяемым в то время лордом Брионом, будто я хочу захватить военную власть. Эти корсары сейчас находятся в городе. Они заслужили прощение, и у нас есть достаточно свидетельств, что они доблестно сражались с эквешцами.

Брион отвесил в его сторону насмешливый полупоклон.

– Склоняю голову перед твоим авторитетом. Да, они сражались – за добычу, уже награбленную у нашего народа.

Элоф прикусил губу; увы, это была правда, хотя и превратно истолкованная. Но Керморван остался непреклонен.

– Разве я говорил, что это не так? Однако я думал, что это гораздо лучше, чем ничего, ибо даже незначительное сопротивление может удержать рейдеров от вторжения в Южные Земли на достаточно долгое время, чтобы горожане осознали угрозу. И я по крайней мере мог потратить добытое богатство на строительство флота... Слабая надежда и несбыточная, как я убедился впоследствии. Но когда я услышал о таинственном мече, поражающем на расстоянии, это дело показалось мне более важным. Теперь вернемся к вопросу о моем возвращении. Подумайте, мог ли я открыто вернуться в город, осаждаемый врагами и частично захваченный ими? Мог ли я подняться на стену иначе, как скрытно и в темноте, когда даже не было известно, кто удерживает ее? Было бы глупо и пагубно поступить так, как говорил Брион, и он прекрасно знает об этом, однако пользуется своими намеками, чтобы подкрепить самое тяжкое обвинение, которое он осмеливается выдвинуть против меня.

Лицо Керморвана омрачилось, а его голос был суровым и пронизывающим, как северный ветер.

– Он благоразумно избегал открытых обвинений. Но если подытожить все, сказанное им, выходит, что я так или иначе хотел воспользоваться осадой для захвата власти в этом городе. Чтобы провозгласить себя вашим правителем, чтобы стать деспотом над вами... вашим королем.

Элоф едва не рассмеялся, но мертвая тишина удержала его от этого; люди затаили дыхание, боясь пошевелиться. Было ясно, что они относятся к происходящему совершенно серьезно. Взглянув на Керморвана, Элоф увидел, что его друг тоже очень серьезен. Сама звонкая тишина казалась рожком, чей ясный звук взывал к ним из глубин времени.

Керморван поднял голову. На его губах играла жестокая улыбка, а в голосе звучала суровая гордость.

– Но почему вы должны верить этому? Я признаю себя потомком королей, но это царство никогда не принадлежало им.

Элоф изумленно заморгал, не обращая внимания на шум, поднявшийся вокруг него.

– Еще до встречи с Андваром я знал, что он принадлежит к высокому роду, – пробормотал он. – Но король? Чей король?

– Разве ты не знаешь? – прошептал ему на ухо Ферхас, чье волнение заставило старика забыть о вежливой отстраненности. – Разве слава былых времен не сияет в самом его имени? Неужели вы на севере забыли об утраченных царствах и о великом древнем городе, величайшем из когда-либо основанных на этой земле?

– Д-да... Он называл его Странденбург, или Город-у-Вод. Но какое отношение это имеет к его имени? Тогда он называл себя просто Керморваном.

– Ах, значит, он говорил на вашем северном наречии? Тогда он еще не был вполне уверен в тебе... прошу прощения, сир! – поспешно добавил Ферхас, сопроводив свои слова почти незаметным суеверным жестом. – Но вы же хорошо знаете сотранский язык, сир; разве теперь вам непонятно? Каэр, или кер, означает «город, окруженный стеной», вроде этого. Мор – это «большое озеро» или «море», а мор оуэн – «побережье». Поэтому Каэр-мор-оуэн...

– Керморван?

– Так назывался город, сир, и таково же фамильное имя королевской династии... вернее, того, что от нее осталось. Само по себе оно не так уж необычно: есть наследники младших ветвей рода, которые носят его. Но Керин – одно из истинных королевских имен, которое давали лишь первенцу царствующего дома. Сложите эти два имени, и вы сразу же поймете, кто он такой. Ведь вы познакомились с ним, когда он жил среди корсаров, сир, и многие из них были сотранцами? Он не рисковал называть себя подлинным именем в таком обществе. На самом деле он не доверял им, сир, а не вам!

Иле медленно кивнула, как будто ее давнее подозрение наконец подтвердилось. Но Элоф смотрел на своего друга так, словно никогда раньше не видел его. Короли для него были не столько людьми, сколько милосердными или грозными персонажами детских сказок, бесконечно далекими фигурами, воплощавшими мудрость и величие или коварство и тиранию. Худоцавый молодой воин в компании грубых корсаров, с которым он впервые встретился на морском пляже, едва ли соответствовал этому представлению. Однако в тот момент, когда Элоф посмотрел на него, величие бесчисленных веков, казалось, снова осенило высокую фигуру Керморвана, как было при дворе дьургаров, где даже суровая властность Андвара дрогнула под натиском его непреклонной воли.

Керморван спокойно и уверенно вышел в центр зала, и свет, льющийся из окон, заиграл в его густых каштановых волосах, словно он уже был коронован.

– Возможно, вы не верите моим словам. Или же скорее вы опасаетесь, что враждебность лорда Бриона и его приспешников вынудит меня сражаться за господство над Кербрайном – хочу я того или нет – и ввергнуть государство в гражданскую войну. Такое действительно могло бы случиться... – Он поднял руку, успокаивая протестующий ропот, и повторил громче прежнего: – Могло бы случиться, если бы Брион не оставил мне иного выхода и если бы я считал подобную власть достойной борьбы за нее. Но это не так! К худу или к добру, но я никогда не буду стремиться к власти над вами. Почему? Потому что, хотя я всем сердцем люблю эту землю, где родился и вырос, я уверен, что дни ее величия миновали и конец уже

близок. С таким же успехом я мог бы захватить песчаный холм, размываемый волнами! Говорю вам, этот город обречен! Кербрайн падет, и очень скоро!

Потрясение и неверие слушателей было настолько осязаемым, что Элоф почти ожидал услышать раскаты издевательского смеха. Но из толпы снаружи донеслись крики страха и гнева, стершие улыбки с лиц синдигов.

Брион вскочил со своего места и обратился к горожанам:

– Не слушайте этого человека! Разве вам не ясно, чего он добивается? Он хочет напугать вас темнотой, словно малых детей, чтобы вы приползли к нему на коленях и молили о спасении.

Гневные выкрики становились все громче по мере того, как слова Керморвана и Бриона передавались от одного человека к другому, без сомнения, с домыслами и преувеличениями, и доходили до тех, кто стоял слишком далеко и не мог их слышать. Толпа снова издала грозное рычание проснувшегося зверя, но Керморван быстрым шагом подошел к двери, и его повелительный голос зазвенел над площадью:

– Тихо! Успокойтесь и слушайте!

Шум сразу же стих, как будто его слова обладали магической силой. Керморван снова повернулся к синдигам и заговорил с настойчивостью бойца, чувствующего, что сопротивление его противника ослабевает.

– Эквешцы – вот наша погибель! Они видели, как наши стены рухнули, как наша воля дрогнула перед их натиском. Они попробовали крови и узнали вкус большой добычи, но хуже всего – они познали горечь поражения и бегства! Это, как ничто другое, объединит их теперь, когда колдовского меча больше нет. Они вернуться, и скоро: еще до того, как старшие среди бежавших отсюда будут слишком стары, чтобы сражаться и восстановить честь своего клана. Они вернуться до того, как успеют зажить наши раны. В лучшем случае через десять лет, в худшем – уже на следующий год! Как тогда мы выдержим следующую осаду? За десять лет, если они у нас будут, мы сможем построить стены, дома и корабли, но кто вернет нам погибших сыновей?

Теперь усталость в его голосе сильнее трогала слушателей, чем любой прием ораторского искусства.

– Мы оказались неподготовленными. Кто в этом виноват... сейчас не время разбираться. Но вместе с воинами к скорбному списку павших прибавилось немало женщин и детей. Более четверти горожан погибли, а крестьяне, которые первыми приняли удар на себя, пострадали еще больше. Подумайте об этом, уважаемые синдики! Пока мы будем стариться и умирать, кто придет нам на смену?

Синдики с беспокойством зашевелились на своих местах, но никто, даже Брион, не произнес ни слова. Какое-то мгновение угрюмый воин в красной мантии выглядел озадаченным, а затем резко выпрямился, словно угадал намерения Керморвана, и напустил на себя такой же встревоженный вид, как, остальные.

Керморван кивнул.

– Теперь вы понимаете? Наша рана сочится кровью и не заживает; нас становится все меньше. Будучи Стражем Северной Границы, в предстоящие годы я должен быть доволен, если наберу хотя бы половину от того количества людей, которым располагал мой предшественник. А ведь его воины полегли все до одного, и он погиб вместе с ними! – Керморван обвел зал гневным взглядом. – Клянусь вратами Керайса! Стоит ли удивляться, что я привечаю беженцев из Норденея? Я поступал бы так даже не из милосердия и не из-за того, что нас связывают родственные узы. Но эти узы действительно существуют. Смотрите!

Он указал на галерею. Элоф оглянулся, стараясь понять, кого имеет в виду Керморван, и внезапно осознал, что это он сам.

– Элоф, мой северный друг, которому принадлежит истинная заслуга в окончании этой осады!

Кузнец почувствовал, что краснеет, и неловко улыбнулся.

– Но он также напоминает, если вы нуждаетесь в напоминании, что северяне – наши родичи, как было со времен основания великого Керайса. Что с того, если теперь они обычно имеют смуглую кожу? Разве цвет кожи может свидетельствовать против человека, который носит ее? Они по крайней мере проявляли гостеприимство и давали приют беженцам, когда сами нуждались во многом. Будем ли мы менее милосердны?

В ответном ропоте толпы было мало энтузиазма, но гнев тоже поутих. Керморван кивнул.

– Северяне будут сражаться плечом к плечу с нами, если нам хватит ума принять их!

В зале воцарилась тишина, но Элоф уловил перемену в общем настроении. Он чувствовал, что соседи посматривают на него нерешительно, почти со стыдом. Но Керморван не радовался своему успеху; в его голосе звучала еще большая печаль, чем раньше.

– Подумайте об этом, друзья мои! Будьте такими же честными и справедливыми, как те люди, которых я знал раньше. Однако боюсь, что даже этого может оказаться недостаточно.

– Чего же тогда будет достаточно? – взорвался Брион. – Поставить над нами короля, чего так благоразумно избегали наши предки? Никогда!

К нему присоединились другие сердитые голоса, значительная часть которых принадлежала синдикам. Даже Катэл и Орхенс, другой представитель купеческого сословия, с беспокойством косились на Керморвана, словно на покупателя, который слишком долго торгуется. Но Керморван как будто не замечал их; его взор был устремлен в многоцветные окна и дальше, куда-то в бесконечность, от которой он был отделен годами и долгими лигами пути...

– Я имею в виду, Брион, что нам понадобится больше людей, а для этого нам нужно иметь более широкие взгляды. Мы должны объединить северян и сотранцев, рундафья и пенруфья, сваратов и араутаров – народы, которые никогда не должны были разделяться с самого начала. Но на этом нельзя останавливаться. Мы должны объединить всех наших рассеянных по миру сородичей! Всех!

Синдики растерянно переглядывались друг с другом.

– О ком ты говоришь? – требовательно спросил Катэл. – Здесь есть только мы! Те, кто бежал из Восточных Земель: сначала сотранцы, а потом северяне! Кто может быть еще?

– Не твоя вина, что ты забыл, – с печальной улыбкой сказал Керморван. – Немногие в Кербрайне помнят, ибо их предки бежали на запад задолго до победы Льда. Но другие терпели дольше – до тех пор, пока ледники не подступили к самым вратам древнего города. Тогда король послал на запад еще много людей, в том числе королеву и наследника престола, от которых я веду свой род. Потом, как и теперь, наступила междоусобица, и многие бежали на север, заселив Норденей. Но в летописях сказано, что король послал других своих подданных на восток, в маленькие портовые города на побережье, похожие на наши. Они находились не так далеко от Льда, но были до некоторой степени защищены горами. Возможно, потомкам этих людей тоже удалось выжить.

Чертог огласился взволнованным перешептыванием; кое-где звучал недоверчивый смех.

– Возможно, – со снисходительной улыбкой произнес старший лорд-маршал. – Но какое им дело до нас? Мы не можем послать им весть о себе, не говоря уже о том, чтобы призвать их на помощь.

Серые глаза Керморвана опасно блеснули.

– Почему бы и нет?

Теперь уже повсюду раздавался смех, перекинувшийся в толпу по мере того, как слова Керморвана передавались от одного человека к другому.

– Неужели ты утратил свои знания или свой разум? – спросил другой маршал. – Ты забыл, что лежит между нами? Весь материк Бресайхал, более тысячи долгих лиг!

– Верно! – поддержал купец Орхенс. – И большая часть пути лежит через Великий Лес, где сгинула добрая половина тех, кто отправился на запад!

– Однако другие смогли выжить! – отрезал Керморван. – Многие тысячи людей прошли через Лес, хотя все они не были готовы к такому переходу и шли в спешке, обремененные семьями и пожитками. Более половины северян тоже прошли на запад, хотя они были готовы еще меньше.

– Это так, – кивнул высохший старик, облаченный в простую серую мантию. – Но они не оставили никаких карт. Они настолько помешались от страха, что вообще не хотели вспоминать об этом.

– Тем больше оснований составить новые карты, – мрачно сказал Керморван. – Если эквешцы вернутся слишком скоро, мы снова превратимся в бездомных странников.

– Но в наши дни не найти такого безумца, который осмелился бы углубиться в Лес!

Керморван улыбнулся.

– Мне и моим друзьям однажды пришлось пройти через окраину Леса, хотя не скрою, было страшно. – Он замолчал, услышав громкий крик из толпы, подхваченный другими голосами. – Что такое? Есть еще желающие?

– Спроси охотника Кассе! – проревел грубый голос откуда-то сзади. – Он всегда хвалился этим!

– Тогда пусть выйдет вперед!

Какое-то мгновение казалось, что призыв Керморвана останется без ответа. Потом через скопление людей протолкался темноволосый мужчина среднего роста и с угрюмым видом остановился на ступенях лестницы, явно недовольный тем, что оказался в центре внимания.

– Ну что, охотник, – обратился к нему Керморван. – Что ты знаешь о Лесе, о Тапиау'ла-ан-Айтен?

Кассе поморщился.

– Когда ходишь в тени деревьев, лучше не упоминать это имя и вообще держать язык за зубами. Да, я бывал в Лесу, и довольно часто. Поместье моего хозяина простиралось до самой лесной окраины, пока эквешцы не сожгли дом и его заодно. Мой дед и отец охотились там до меня. Нужно учиться, что можно делать, а что нельзя. Будь начеку, не теряй головы и вернешься с добычей.

– Хорошо, – кивнул Керморван. – Значит, ты по крайней мере осмелишься войти в Лес?

– Ну... – задуманное лицо Кассе исказила странная гримаса. Люди вокруг засмеялись, и он раздраженно нахмурился. – Во всяком случае, не один! А кто еще пойдет? Не эти же... – Он презрительно махнул рукой в сторону насмешников.

– Ты будешь не один, – заверил Керморван. – Отправится целый отряд...

– Разве это не самая большая глупость из всех, что мы слышали до сих пор? – выкрикнул Брион, поддерживаемый одобрителем гулом значительной части собравшихся. – Откуда мы знаем, что на востоке кто-то остался в живых и что их вообще стоит искать? Может быть, они давно выродились или вымерли все до одного?

– Или стали такими же сильными и свободными, как полагалось бы нам? Согласен: мы ничего не знаем. Нужно выяснить это. Мы должны безотлагательно послать на восток отряд, который будет и разведкой, и посольством.

Брион вскинул руки в издевательском жесте отчаяния.

– Можем ли мы в час нашей нужды тратить на такую дорогостоящую миссию и сильную охрану для эскорта? Отсутствие этих людей, не говоря уже об их почти неминуемой гибели, сильно ослабит нас. Этот человек недавно сказал, что мы истекаем кровью, хотя мы и без него хорошо знаем о своих потерях; теперь он хочет углубить нашу рану. И ради чего? – Он пожал плечами. – Ради призраков из старинных легенд... или чего-то еще похуже.

Керморван вздохнул.

– Милорд Брион, я не собирался устраивать столь великое мероприятие, – сказал он. – Даже не говоря о справедливости ваших возражений, многочисленный отряд не пройдет и

нескольких лиг в этих темных землях, не привлекая к себе внимания всевозможных опасных существ... или пагубных Сил. – Смысл последних слов был совершенно ясным, и многие зябко поежились под полуденными лучами жаркого южного солнца. – Нам нужна небольшая группа закаленных людей, готовых к опасностям, и возглавляемая теми, кто может говорить от имени Кербрайна, а возможно, и всего Севера...

– Кажется, у нас есть такой человек! – воскликнул Брион, не потрудившись скрыть торжествующую улыбку. – Теперь ты стал опытным бродягой; многие будут приветствовать твой уход и сочтут такую потерю не слишком великой. Что касается речей, ты ничем другим не занимался за последние полчаса. Итак, лорд Керморван, говорю тебе: уходи и забери с собой семена раздоров, которые ты посеял в этом городе! Если в твоём плане и есть какое-то достоинство, оно заключается в том, что мы избавимся от тебя. Возглавь свое посольство живых мертвецов, и я с радостью поддержу тебя!

Тяжело дыша, Брион откинулся на высокую спинку сиденья под приветственные возгласы своих сторонников. Он улыбался и был явно доволен своей уловкой. Элоф сжал кулаки, а Иле хрипло выругалась; Керморвану придется отказаться, и тогда все скажут, что он предает собственные убеждения. Но он лишь учтиво поклонился своему оппоненту и не двинулся с места.

– Еще раз благодарю тебя, Брион. Ты сказал именно то, что я хотел услышать, хотя и не слишком внятно. Но советую тебе не судить обо мне по меркам своего честолюбия, и мне в отличие от тебя не доставляет удовольствия сеять раздоры. Никогда, никогда я не окажусь в центре кровавой междоусобицы и вражды среди собственного народа! Я скорее покину вас, как уже делал раньше, и буду искать другой способ помочь вам. Я возглавлю поход на восток!

И синдики, и зрители в ужасе и недоверии уставились на него. С разинутыми ртами они были так похожи на рыб, попавших в сети, что Элоф невольно усмехнулся. Эти самодовольные горожане были такими же узколобыми, как жители его собственного городка. Они не могли представить, что человек, только что вернувшийся из ссылки, снова будет готов отправиться туда по доброй воле. Они хорошо знали воинские качества Керморвана и были рады, что его доблесть защищает их, но воображали, будто могут обращаться с ним, как со сторожевым псом: приручить его и, если понадобится, приковать к месту угрозой ссылки. Теперь иллюзия рассеялась. Даже некоторые синдики, громче всего рукоплескавшие Бриону, выглядели встревоженными и бросали косые взгляды на своего фаворита. Но тот лишь поглаживал свою курчавую бороду, поблескивая глазами из-под полуприкрытых век.

– Н-но, лорд Керморван... – с запинкой произнес младший лорд-маршал. – Мы вовсе не думали... Вы нужны нам, нужны городу...

– По-моему, юноша, ты поступаешь неразумно, – проворчал Катэл, но, хорошо зная Керморвана, поспешно добавил: – Сам посуди, разве это почетно? Рисковать своей жизнью в надежде на далекое чудо, когда твой город нуждается в тебе. Путь на восток – это сотня смертей, обычных и необычных. Скорее всего мы больше никогда не увидим тебя. И даже если ты прав – а я, между прочим, верю тебе, – если эквешцы действительно вернуться...

– Тогда доверься северянам! – жестко сказал Керморван. – Эту защиту я оставляю тебе, если ты согласишься принять ее. И ты, Катэл, будешь удерживать северные рубежи вместо меня. Слушайте внимательно, ибо это мое последнее слово, моя цена за ваше недолгое спокойствие. Я обращаюсь ко всем присутствующим, но в первую очередь к тебе, Брион. Вы должны издать указ и поклясться в том, что с сегодняшнего дня вы больше не будете закрывать ворота от северян, но обойдетесь с ними по чести и справедливости. Вы признаете их гражданами, равными себе, с такими же правами и обязанностями. Вы дадите им землю, где они смогут селиться и обеспечивать едой себя и горожан. Теперь, когда многие погибли, земли у вас в избытке.

– А если они приведут с собой новых эквешцев? – возмутился какой-то юнец в затейливо украшенной зеленой мантии.

– Теперь они начеку, и думаю, сами смогут заткнуть эту крысиную нору, – с мрачным юмором ответил Керморван. – В отличие от вас похожий оттенок кожи не может обмануть их. Лучшей защиты и не пожелаешь! Итак, довольно препираться. Вы поклянетесь или старые обиды и предрассудки настолько завладели вашими умами, что вы предпочтете видеть гибель своего города, лишь бы не отказаться от них?

Керморван обращался ко всему залу, но его взгляд был недвусмысленно направлен на Бриона Брайхирна. Высокий воин в алой мантии пожал плечами и с усмешкой встретил взгляд своего недруга.

– Я поклянусь, – снисходительным тоном произнес он. – Ради того, чтобы избавиться от тебя, можно притерпеться и к неотесанным северянам. Возможно, со временем мы даже сделаем их культурными людьми. Я не возражаю и против того, чтобы купец был Стражем Границы – чего только не бывает в эти странные дни! Более того, я готов пожелать тебе успеха в твоём начинании, хотя, боюсь, от него будет мало толку.

– Странно, что после того, как Брион дал клятву, синдики сразу повеселели, – прошептал Элоф на ухо Иле, когда остальные присоединились к клятве без дальнейшего обсуждения. – Однако его последователи здесь не в большинстве.

– Синдики больше озабочены тем, чтобы избежать стычек между партиями Керморвана и Бриона, – прошептала она в ответ. – Причем любой ценой, так как это может нарушить их собственную уютную жизнь. Кто был прав и что лучше для страны – это для них второстепенные вопросы. Неудивительно, что эквешцы застигли их врасплох.

Заседание продолжалось еще недолго лишь для того, чтобы издать официальный указ и утвердить Катэла Катайена в должности Стража Северной Границы. Несмотря на язвительное замечание Бриона, он пользовался популярностью среди синдиков; благодаря своим путешествиям он знал северные границы лучше, чем большинство других. Кроме того, не будучи воином, во время осады он проявил себя разумным и храбрым командиром. Но все же его кандидатура прошла легко из-за того влияния, которое Керморван оказывал на синдиков.

– Как видишь, Иле, я усвоил урок, преподанный твоим народом, – с улыбкой сказал он, встретившись с ними на лестнице перед входом в здание Синдиката. – Можно добиться желаемого, склонившись перед ветром, а не только выдерживая его натиск.

– Ты поступил хорошо, – рассудительно заметил Элоф. – Северяне в большом долгу перед тобой, но какой ценой для тебя...

Иле энергично закивала, забыв про свои синяки и ушибы.

– Снова отправиться в ссылку, и так скоро – разве я не говорила, что эти люди не знают благодарности? Среди моего народа ты был в большей чести, чем здесь!

Керморван запрокинул голову и рассмеялся, что с ним случалось очень редко. Потом, все еще посмеиваясь, он прижался лбом к прохладной колонне.

– Только подумать, что один из моих предков запретил людям благородного происхождения выступать на публичной сцене! Разве вы не понимаете? Как вы думаете, зачем я подводил Бриона к этому требованию? Именно этого я и добивался!

Действительно, Керморван выглядел более веселым и беззаботным, чем они видели его за последние недели.

– Я больше не буду находиться в центре междоусобной вражды и интриг, и сам больше не буду интриганом! Можете ли вы представить, как тяжела эта ноша? Вырваться из клетки и снова бродить по свету с великой целью... Восток! Давно я мечтал увидеть его берега и широкие просторы океана, откуда люди впервые пришли сюда из древнего Керайса! И вы пойдете со мной, правда? Разве я не говорил, что вы сначала должны выслушать меня, а потом уж решать, как быть дальше?

Элоф посмотрел на него.

– Я должен следовать...

– Да, ты должен следовать за рассветом. А как ты думаешь, куда я направляюсь? Мне нужны надежные спутники в моем отряде. Почему бы нам не отправиться вместе и встретить опасности внутренних земель так же, как раньше в горах и на море? Вместе мы справимся лучше, чем порознь. Но я вижу, ты колеблешься?

– Ну уж нет! – Элоф рассмеялся. – Просто ты застал меня врасплах, вот и все. Разумеется, я готов идти с тобой и очень рад этому! Жизнь научила меня больше всего бояться одиночества.

– А ты, Иле? – Керморван повернулся к ней. – Ты пойдешь...

Но Иле уже не было рядом с ними. Многие на улицах видели, как она шла к дому Керморвана, а когда они с Элофом вернулись туда, слуги заверили их, что она вошла внутрь и с тех пор не проходила через ворота. Однако поиски были тщетными; ее скудные пожитки исчезли из комнаты, и осталась лишь короткая записка, лежавшая на столе: «Желаю вам удачи, и пусть Властитель Судеб направит ваш путь! Быть может, мы еще встретимся».

– Значит, она ушла, – удрученно сказал Керморван, передав записку Элофу. – Ушла, как и говорила, причем тайно, опасаясь наших уговоров! Но я не могу ее винить; в этом городе она заслуживала гораздо лучшего приема, чем тот, который был ей оказан. Надеюсь, мы действительно встретимся снова.

Но в ту ночь Элоф, лежавший в своей постели, внезапно пробудился, ощутив близкое присутствие темной фигуры, которая бесшумно пересекла комнату и склонилась над ним.

– Иле? – прошептал он.

В ответ раздался тихий смешок.

– Я дожидалась темноты, когда мне хорошо видно, а вы, люди, становитесь слепцами. Где же было лучше всего ждать, как не здесь? Но я не могла устоять...

Внезапно она наклонилась; ее губы на мгновение плотно прижались к его губам, и их дыхание смешалось.

– Всего тебе доброго! – прошептала Иле и крепко сжала его руку. Ее глаза блеснули в темноте. – Но я не могу...

Она выпрямилась и исчезла так же бесшумно, как и появилась. Элоф сел, совершенно проснувшись, но не смог услышать ничего, даже слабого отзвука шагов на лестнице. Лишь жар ее дыхания как будто еще пульсировал в его легких. Этой ночью ему было трудно снова заснуть.

На следующее утро Элоф колебался, не зная, стоит ли рассказать о случившемся Керморвану. Но когда он спустился к завтраку, решение пришло само собой, так как его друг увлеченно беседовал с кряжистым мужчиной, густо обросшим светлыми волосами и бородой, в котором Элоф узнал шкипера Эрмахала.

– Итак, сир... вернее, сиры, – поправился Эрмахал, уважительно кивнув Элофу, – тому есть несколько причин. Конечно, мы вернули себе право называться честными гражданами, когда спасли тех женщин. Кроме того, мы захватили знатную добычу; некоторые парни вложили свою долю в хорошее дело и обзавелись хозяйством. Но другие... в общем, они растратили свои денежки на игры, юбки и все остальное.

– Вопрос в том, нужны ли мне в отряде такие глупцы, – заметил Керморван.

– Не все они дураки, – возразил Эрмахал, постукивая пальцем по кончику своего длинного носа. – У некоторых просто буйный нрав, и не важно, при деньгах они или нет. Суть в том, что все мы долго были вне закона и не можем измениться за один день и даже за год. Из нас не сделаешь добропорядочных горожан, но искать приключений на море или на суше – это другое дело.

Он побарабанил пальцами по длинному столу и хитро прищурился.

– Слов нет, сир, вы были нашим настоящим предводителем, и я никогда не восставал против этого. Мы следовали за вами раньше, и не наша вина, что нам пришлось расстаться. Но мы будем рады снова присоединиться к вам... и к вам, сир кузнец, – торопливо добавил он, поклонившись Элофу. – Мы видели вашу храбрость.

Элоф улыбнулся.

– Главный здесь лорд Керморван, а не я. Но скажи, сколько человек готовы пойти с тобой?

– Э-э-э... – пробормотал Эрмахал и принялся подсчитывать на пальцах. – Около двадцати, сир, не считая пьяниц и больных.

– Все равно слишком много, – сказал Керморван. – Наш отряд должен быть небольшим и подобранным из опытных людей; к примеру, этот охотник Кассе может оказаться полезным. Кроме того, среди нас должны быть северяне, чтобы показать, что мы можем мирно ужиться друг с другом. Я бросил клич по городу и в северных лагерях, что мы ищем таких людей. Отряд должен быть готов к отправке через две-три недели.

Эрмахал пожал плечами.

– Что ж, сир, выбор за вами. Однако я плавал не только по морям, но и по рекам, так что могу быть полезным для вас. Буду рад, если вы возьмете меня и боцмана Мэйли – вы знаете, что это за крепкий орешек...

Керморван кивнул и улыбнулся, что-то припоминая.

– Да будет так. Начну с вас обоих. – Он поднял руку, прекратив изъявления благодарности от шкипера. – Но запомните: это не отчаянная вылазка, в которой опасность уравнивается возможностью богатой добычи. Смерть держит весы, и самой большой наградой для нас может оказаться то, что мы выжили.

Эрмахал задумчиво подергал себя за бороду.

– Что ж, я согласен и на это. Мне всегда хотелось хотя бы одним глазком взглянуть на Восточный океан. Может быть, в той части света не хватает корсаров?

Элоф рассмеялся, но улыбка Керморвана была суровой.

– Или же там в избытке виселиц для корсаров, – сказал он. – Ты большой пройдоха, Эрмахал, хотя и храбрец. Оставь свои пиратские замашки здесь, иначе я сам повешу тебя!

– Как я уже говорил, сир, мы не можем измениться за один день, – ответил шкипер, добродушно посмеиваясь. – Но я буду танцевать под вашу дудку до конца путешествия.

– Лучше сделай это, иначе твой танец может оказаться последним. Но ты не останешься без награды, если это будет в моей власти.

После ухода Эрмахала Керморван предложил Элофу немного погреться на солнышке на крыше своего старого дома. Элоф понимал скрытый смысл этого предложения; оттуда они могли видеть весь город, с широкими площадями и высокими зданиями Старого квартала, с извилистыми улицами более новых концентрических кругов, вплоть до наполовину заделанного пролома во внешней стене, и дальше, где темные пятнышки хижин и шалашей северных беженцев усеивали пологую равнину. Солнце наполняло воздух приятным теплом, задувал легкий ветерок, однако там, где небо встречалось с далекими горами, виднелись длинные серые полосы.

– Тучи собираются, – сказал Керморван. – Пока нас не будет, они обязательно подойдут еще ближе. У нас осталось слишком мало времени, чтобы спасти город. Я не говорил синдикам из опасения, что меня поднимут на смех, но на самом деле наша миссия заключается не в том, чтобы призвать жителей Восточных Земель на помощь Западу. Наши раны слишком глубоки и затягиваются слишком медленно. Если в Восточных Землях вообще можно найти убежище, мы будем вынуждены отступить туда.

– Ну да, на восток!

В кузнице было жарко, потому что они занимались отливкой серебра. Тем не менее Рок зябко передернул плечами.

– Через горы и в Лес – бр-р-р! Месяцы блужданий в лесных дебрях, и кто знает, что ждет вас там? Поверни на север – и упруешься в Лед; поверни на юг – и попадешь в пустыню. Замерзнешь или сгоришь... или того хуже!

– Как раз этого мне и не хватало – дружеской поддержки! – ухмыльнулся Элоф. – Тебе то хорошо, ведь ты остаешься...

Рок со стуком положил на пол литейный ковш.

– А кто, во имя преисподней, может остановить меня?

Элоф уставился на него.

– Ты серьезно? Вижу, ты не шутишь. Рок, но это безумие! Здесь ты отлично устроился: у тебя лучшая кузница в городе, и Катэл будет опекать тебя. Через год-другой ты разбогатеешь.

– Да, но когда я говорил тебе то же самое, это не остановило тебя, верно?

– Верно... но у меня есть цель, Рок.

– А у меня разве нет? – проворчал Рок. – Говоришь, я разбогатею? Как раз вовремя, чтобы эквешцы могли поживиться моим добром.

– Это тоже правда... Но, Рок, такое путешествие в лучшем случае займет не меньше года. Как быть с Марьей? Разве это ее не касается?

Рок пожал плечами.

– Я никогда ей ничего не обещал, и она мне тоже. Конечно, она получит кузницу и будет жить здесь со старым Хьораном; они прекрасно справятся до моего возвращения. Она будет ждать... или не будет, это ее дело.

– Рок, ты хорошо знаешь, что можешь не вернуться назад. Я не хочу отрывать тебя от...

– Все понятно, – перебил Рок. – Но это мое решение, а не твое. Кто-то должен присматривать за тобой, чтобы ты не натворил глупостей, и потом, мне хочется своими глазами увидеть неведомые земли. Ты не отделаешься от меня так легко, как раньше!

И действительно, недели три спустя, когда пришло время отправляться в путь, Элоф так и не смог переубедить Рока. В тот весенний вечер, когда солнце скрылось за облаками, у дома Керморвана собралась разношерстная компания. Первыми прибыли двое высоких мужчин, одетых в зеленое и коричневое, чья бронзовая кожа выдавала в них северян. Их звали Гизе и Эйсдан; они были родом из деревень, расположенных на окраине густых северных лесов. Будучи лесниками, они привыкли бродить в тени деревьев и знали мастерство следопыта, как немногие из сотранцев. Оба были вооружены короткими широкими мечами; кроме того, Гизе нес с собой короткий лук из крепкого рога византа, а Эйсдан – огромную секиру на длинной рукояти. Они были молчаливы по натуре и обменялись лишь кратким приветствием с шумной группой корсаров, подошедших немного позже. Хотя корсары явно отметили свой уход, Элофа порадовало, что они были не пьяны, а скорее навеселе. Кроме Эрмахала и Мэйли Керморван счел лишь трех других достойными доверия; все они были сотранцами и моряками, но имели некоторый опыт сухопутных странствий. Дервас, кормчий Эрмахала, и Перрек были дезертирами из маленького военного флота Брайхейна, а Стехан служил моряком на торговом судне. Самый молодой, по имени Борхи, был рыбаком, изгнанным из своей деревни за убийство человека в пьяной драке. После них пришел охотник Кассе, проскользнувший во двор, словно тень, и еще трое северян: Тенвар, Бьюр и Хольвар. Более светлокожие, чем южане, они были сыновьями бюргеров из Сальденборга, сражавшимися во время короткой, но героической обороны этого богатого порта и сумевшими пробиться на юг, несмотря на тяжкие лишения, миновав невредимыми окраину Великого Леса. Они тоже были навеселе, но вместо вина в их глазах сиял свет надежды, сменивший тусклый взгляд беженцев. Новая одежда и оружие сделали их походку уверенной и придали молодцеватость их воинскому салюту перед Керморваном, сидевшим под цветущим деревом акации в центре двора. Последним прибыл Рок и чем-то похожий на него, но постарше, сотранец по имени Арвес; выбранный по предложению

Катала, он был торговцем из каравана, встреченного Роком и Элофом, и хорошо разговаривал на северном наречии.

Когда вся компания была в сборе, Ферхас принес вино, Керморван поочередно принял присягу у каждого из них, а они выпили за его здоровье. Для прочих церемоний не было времени – мысли о предстоящем путешествии заботили всех. Люди обменивались тихими замечаниями, обсуждая снаряжение и запасы провизии.

– Мы должны постараться уйти незаметно, – решил Керморван. – Во-первых, бандиты Бриона могут собраться, чтобы устроить нам горячие проводы, а во-вторых, если вокруг есть шпионы, они не должны знать, в какое время и по какой дороге мы уйдем.

Из старой конюшни вывели вереницу пони. И они занялись укладкой багажа. Пони принадлежали к северной породе – коротконогие и покрытые жесткой шерстью в отличие от длинноногих сотранских лошадей, – но Элоф и другие северяне были рады видеть их. С южанами дело обстояло иначе.

– Нечего скалить зубы на меня! – буркнул Эрмахал, увернувшись от одного из раздраженных животных.

– А ты ослабь подпругу, – со смехом посоветовал Бюр. – Это же не груженная лодка, здесь надо поласковее.

– Была бы лодка, ты бы у меня сейчас живо отправился за борт! А эти клячи похожи на крыс-переростков.

– Но они вынесут даже тебя, – заметил Элоф. – И пройдут по тропам, на которых лошади из Брайхейна спотыкались бы почти на каждом шагу. Даже боевой конь Керморвана не сравнится с ними, если говорить о выносливости.

– Верно, – признал Керморван. – У меня и в мыслях не было брать своего коня в такое долгое путешествие.

– Говорят, к востоку от гор водятся дикие лошади, – с озорным блеском в глазах сказал Тенвар. – Настоящие гиганты! Может быть, их удастся приручить? Судя по тому, что я о них слышал, они будут в самый раз для человека такой, хм-м-м... такой комплекции, как у тебя, сотранец.

– Комплекции? – порычал Эрмахал, в одно мгновение побагровев и надвигаясь на молодого северянина. Тенвар стоял как ни в чем не бывало, поглаживая короткие усы, а его товарищи придвинулись ближе к нему.

Добродушный голос Керморвана прорезал напряженную тишину:

– А мои длинные ноги вообще будут волочиться по земле; наверное, придется идти пешком. Но так или иначе, скоро мы расстанемся с ними. В Лесу не сможет пройти никакая лошадь, и нам самим придется стать вьючными животными.

Эти слова подействовали отрезвляюще, и многие снова начали проверять, надежно ли прикреплен багаж. Но Элоф умел читать по бесстрастному лицу Керморвана. Улучив момент, он подошел к своему другу и тихо сказал:

– Ты вовремя отвел удар. Еще немного, и...

– Да, но с меня довольно подобных выходов! Эти юнцы из Сальденборга играют с огнем, хотя у них нет на уме ничего дурного. Эрмахал едва ли стал бы предводителем корсаров, если бы позволял любому насмеяться над собой. Элоф, ты северянин, а они привыкли слушать кузнецов. Попробуй образумить их или хотя бы присматривай за ними!

– Я поставлю их в арьергард вместе с Роком, подальше от корсаров.

Керморван обвел взглядом сумрачный двор.

– Солнце уже почти зашло, и город постепенно стихает. Пора отправляться в путь. Дом моих предков... ночь и тишина снова станут твоим уделом. Увижу ли я тебя когда-нибудь снова? Элоф, друг мой, быть может, все наши прежние дороги и испытания были лишь прелюдией к этому путешествию.

– Я думал о том же, – признался Элоф, – но особенно о своем поиске.

Керморван кивнул.

– Пусть он будет удачным, что бы ни случилось! Итак, все прощальные слова сказаны, кроме моих; я не должен медлить.

Ферхас и несколько других слуг Керморвана подошли ближе и опустили перед ним на колени – редкое зрелище как на севере, так и на юге, даже перед великими лордами. Однако в их жесте было больше любви, чем подобострастия, и многие плакали. Когда Керморван передал Ферхасу большое кольцо с ключами, они задрезжали в трясущейся старческой руке. Тогда Элоф понял еще кое-что в характере Керморвана: эти старые слуги воспитывали его, когда он остался совсем один после смерти родителей, а потом и других членов семьи. Он был лордом, выращенным своими вассалами, правителем, созданным по образу и подобию того, во что верили его подданные. Такое воспитание могло сказаться по-разному, но в нем, по мнению Элофа, оно смягчило гордыню и силу состраданием, сдержанностью и уважением к мнению людей, которыми ему приходилось командовать.

Ферхас повернул ключ в замке. Ворота со скрипом открылись, и Керморван вместе с Гизе и Эйсданом начал выводить пони на улицу. Как было условлено заранее, путники облачились в длинные плащи с капюшонами и спрятали оружие от посторонних глаз. Они вели животных в поводу, не сядя в седло, поэтому были похожи на многие другие группы усталых беженцев.

Ферхас кивнул Элофу на прощание, как и остальным, но потом вдруг взял его за руку и прошептал с отчаянием в голосе:

– Вы позаботитесь о нем, правда, сир?

Мысль о том, что он может охранять этого грозного воина, казалась нелепой, но Элоф не мог смеяться над старым слугой. Он кивнул, похлопал Ферхаса по плечу и пошел дальше. Силуэты длинного каравана впереди двигались на фоне светлой каменной стены на противоположной стороне улицы, словно фигуры с ожившего фриза, как будто они уже сливались с полузабытыми хрониками былых времен. Молодые северяне шли следом; Элоф слышал, как заскрипели ворота, и стал ждать, когда лягнет замок. Но звука не последовало, и, хотя он не оглядывался назад, перед его мысленным взором возник образ старого Ферхаса, стоявшего в глубокой тени у стены и напрягавшего слух до тех пор, пока последний слабый стук подков не стих вдали.

Вечер был прохладным, и улицы быстро пустели. Тут и там встречались торопливые горожане с чадающими лампами; лишь немногие косились на угрюмую процессию, проходившую под перестук копыт по булыжной мостовой. Они обошли стороной площадь перед цитаделью, где горели высокие факелы, и обогнули купеческий квартал, все еще оживленный и расцветенный огнями хрустальных канделябров в высоких окнах богачей, мигающими свечками с сердцевинкой из тростника и маленькими угольными печами уличных ларьков. Элоф подумал о Катэле, теперь вступающем в свою новую должность на северной границе, и улыбнулся: купец не мог уйти, не дав им с Рокком строгих указаний по составлению отчета о состоянии Восточных Земель, с длинным перечнем возможных богатств и товаров, полезных для взаимной торговли.

– Ты как будто уверен, что мы найдем все это, – сказал ему Элоф.

– Конечно, найдете, парни! – добродушно пропыхтел Катэл, а затем, возможно, вспомнив о своем прозвище Честный, добавил: – Как бы то ни было, плох тот купец, который не стучится даже в самые убогие двери, верно?

Элоф подумал, что ему будет не хватать Катэла. И если уж быть откровенным, он будет тосковать по всему этому огромному беспокойному городу, о чем раньше и помыслить не мог. Он положил руку на вьючную суму, где хранились его пожитки, немногочисленные, но тяжелые: смена одежды, запасные сапоги, но главным образом те вещи, которые он ценил больше всего, – латная рукавица, кузнечные инструменты и странный бронзовый посох с загнутым концом и полустертыми символами, которым он когда-то пользовался как бодилом для быка.

Это была единственная вещь, оставшаяся у Элофа от детства и ранней юности. Он взял ее с собой, повинаясь внезапному порыву, а не потому, что она могла оказаться полезной. Но теперь он знал почему; сюда он тоже мог уже никогда не вернуться. Когда-то его миром была крошечная деревня, потом уединенная башня. Первые небольшие города, которые он видел, казались ему огромными и поражали воображение. Но этот бурлящий человеческий улей мог поглотить тысячу подобных городов. Несмотря на все несовершенства и пороки городского устройства, Элоф начал понимать, что лишь такое сообщество людей может создать порядок и организованную силу, которая будет лучшим щитом против наступающего Льда. Одна мысль о городе заставляла его с новой силой ощущать пустоту и дикость просторов, раскинувшихся впереди.

Другие, казалось, испытывали сходные чувства. Бьюр, любивший вкусно поесть, то и дело отходил к лоткам торговцев, которые они миновали по пути, чтобы приобрести последние порции местных лакомств. Элофу было трудно винить его, поскольку северянам пришлось долго голодать до того, как Керморван призвал их к себе на службу. Но когда он увидел, как корсар Борхи словно ненароком подошел к винной лавке, а Тенвар начал болтать с рыночными торговками, то сразу же позвал их обратно.

– Это правильно, – сказал Рок. – Некоторые здесь знают нас и могут распутить языки.

– Готов поспорить, что у лорда Бриона найдется достаточно ушей, чтобы услышать, – согласился Арвес, поравнявшийся с ними. Чем скорее мы уберемся отсюда, тем лучше.

– Уже недолго осталось, – пробубнил Бьюр с набитым ртом, отрывая зубами с вертела куски жаренной на углях цесарки. – До ворот уже недалеко.

– Одного шага достаточно, если путь преграждает толпа.

В тени высокой привратной башни вполне могла таиться засада. Сейчас, однако, там было лишь несколько человек, большинство из которых принадлежало к городской страже.

Но фигура, внезапно выступившая из сумрака, была облачена в плащ из богато украшенного красного бархата, а ее высокий рост не оставлял сомнений. Элоф обменялся с Роком встревоженным взглядом и быстро пошел вперед к голове колонны, чтобы в случае необходимости успеть на помощь Керморвану.

– Какой стыд, милорд Керморван, что ты хотел уйти тайком, словно вор из чужого дома! – с добродушной усмешкой произнес тот, кто преградил им путь. – Неужели ты думал, что можешь скрыть это от меня?

– У меня были свои причины, лорд Брайхирн, – холодно ответил Керморван. – И ты относился к их числу. Что ты надеешься выгадать, задерживая меня?

Брион сверкнул белозубой улыбкой.

– Я? Задерживаю тебя? – В его голосе звучала искренняя обида. – Я пришел лишь для того, чтобы пожелать тебе доброго пути.

Керморван вздохнул и положил руку на спину своего пони.

– Милорд, я не в силах понять тебя. То, что нас разделяет наследственная вражда, сейчас не столь важно, но если бы это было дозволено законом, я с радостью убил бы тебя за все зло, которое ты причинил моей семье. Ты всегда стремился разрушить любые мои планы только потому, что они принадлежали мне! Тебя нельзя назвать великодушным противником. Почему я теперь должен верить тебе?

Брион пожал плечами.

– Если ты прав, то принесешь нам кое-какую пользу. Если ты ошибаешься, твоя гибель мало что будет значить для нас. Надеюсь, ты сумеешь уцелеть на востоке – в самом деле, искренне надеюсь.

– Я принимаю твои добрые пожелания в меру их искренности, а моя благодарность соразмерна теплоте твоего напутствия. Но для того, кто хотел – тайно убить меня...

– Я поступал в лучших интересах города, что и было доказано последующими раздорами и беспорядками. Но мы с тобой воины и принадлежим к одному высокому братству. Я не побоюсь бы встретиться с тобой лицом к лицу, если бы мог, Керин Керморван.

– И я тоже, Брион Брайхирн. Теперь мы можем пройти?

Брион непринужденно рассмеялся.

– Разве я мешаю вам? Это последнее, что мне нужно! Ступайте и найдите свою удачу или будьте прокляты!

Все еще посмеиваясь, он повернулся и зашагал во тьму. Элоф проводил его долгим взглядом.

– На какое-то мгновение мне показалось, что этот скорпион в человеческом облике действительно говорил искренне, – сказал он.

– Возможно... отчасти, – задумчиво отозвался Керморван. – Мы с ним на самом деле принадлежим к одному братству. Мы прошли одинаковую выучку, выдержали сходные испытания и можем говорить об этом так, как я не смог даже с тобой, а ведь ты мой друг. Даже взаимная ненависть не может полностью разорвать эти узы. – Он улыбнулся. – Но у нас с тобой были свои испытания, а впереди, несомненно, предстоит много новых приключений. По крайней мере нам больше нет нужды таиться. Эй, седлайте лошадей и следуйте за мной! Стража, сюда! Открывайте ворота!

– Открыть ворота перед лордом Кербрайна! – зычно крикнул Рок, и другие сотранцы присоединились к нему. Северяне, не знавшие большей власти над собой, чем авторитет городских старейшин или мастеров гильдии, только улыбались, наблюдая, как стражники поспешили к воротам огромных лебедек. Длинные цепи противовесов залязгали по каменной мостовой, и тяжелые ворота со скрежетом начали открываться вовнутрь. Элофу показалось, что из проема хлынула еще более густая темнота, похожая на тень какого-то громадного животного, рыщущего вокруг. Задул легкий, но пронизывающий ветер. Он поежился, но когда Керморван повел отряд под высокую арку ворот, с радостью последовал за остальными. В конце концов было волнительно снова отправиться в странствие.

Когда ворота с глухим рокотом закрылись за ними, а копыта пони звонко зацокали по дороге, вымощенной плитняком, Элоф поднял голову и обернулся. Небо было залито жемчужным сиянием восходящей полной луны, но городские стены скрывали ее из виду. Рок тоже оглянулся на бастионы у ворот и внезапно толкнул Элофа локтем в бок. Наверху стоял одинокий наблюдатель, чей черный силуэт был очерчен тонкой серебристой линией лунного света.

– Ты хорошо видишь в темноте, – проворчал Рок. – Кто это может быть? Десять к одному, что снова этот проклятый Брион!

Элоф взгляделся пристальнее и лукаво улыбнулся.

– Ты проиграл. Это Марья.

Рок только фыркнул в ответ, но стал понемногу отставать от остальных, и минуту спустя, когда думал, что Элоф не смотрит на него, он повернулся и помахал рукой, а потом еще долго оглядывался назад.

Караван проходил по равнинам вокруг города, которые Элоф впервые видел похожими на шахматную доску, состоящую из цветущих садов и возделанных полей. Но теперь по ним прошли эквешцы, разграбив и опустошив их сверх всякой меры. Потом пришли беженцы с севера. Они разбили свои жалкие лагеря из тростниковых хижин и навесов на земле, которая должна была кормить весь город. Сейчас здесь можно было различить лишь полосы чахлах, плохо возделанных огородов. Но вина за это лежала на жителях Кербрайна. Многих бед и лишений можно было бы избежать, если бы они приняли северян и воспользовались их добровольным трудом, вместо того чтобы называть их нищими и попрошайками. Мысль об этом вызвала гнев у Элофа. Керморван был прав; почему он должен бороться, чтобы доказать это? Что делает людей настолько слепыми, что они не видят собственной выгоды?

Прошло немного времени, прежде чем они миновали последний лагерный костер, но огни этих костров еще долго стояли перед мысленным взором Элофа.

Глава 3

ОКЕАН ДЕРЕВЬЕВ

Мало было написано о первых днях их пути, ибо мало могло быть сказано. Те, кто бежал на запад, не останавливались, чтобы составить карты, и не стремились сохранить воспоминания о своих невзгодах. По-видимому, карты, оставшиеся в хрониках, были составлены позже, так как Керморван не нашел никаких указаний для дальнейшего пути, а карты Брайхейна заканчивались у подножия Щитового хребта. Однако он советовался с Кассе и со всеми, кто жил в землях поблизости от гор, надеясь хоть немного узнать о том, что лежит по другую сторону. Но его ждало разочарование. Вдоль холмов лежали западные отроги Великого Леса, которых местные жители боялись пуще огня, и Элоф с Керморваном едва ли могли винить их в этом. Очень немногие, кроме разбойников, отшельников и отчаянных одиночек, отваживались заглянуть под тень древесных крон; еще меньше вернулось, и их истории были фантастическими и противоречивыми, полными странных зрелищ и видений.

Однако в конце концов Керморван обнаружил, что у него нет выбора. Ему нужно было где-то пересечь Щитовой хребет, и он мог сделать это лишь в двух местах, не углубляясь в Лес. Он мог обогнуть горы с юга, через озеро Орхи на Горлафросе, как дьургары называли великую западную реку Вестфлад. Там заканчивались плодородные земли и начинались все более сухие и непроходимые южные пустоши. Но те немногие, кому доводилось стоять на гребне Щитового хребта, говорили о других вершинах по ту сторону реки.

– Это большой риск, – заключил Керморван, проведя пальцем по грубой карте, составленной им на основании многочисленных рассказов. – Если эти горы можно видеть с такого расстояния, они по меньшей мере не менее высокие, чем Щитовой хребет. Мы не знаем, насколько они проходимы и как далеко они простираются в южные пустоши. Но по-видимому, они не тянутся очень далеко на север – не дальше проходов на западе Нортмарша, вровень с Миланом и Арменом, нашими северными форпостами. А между этими проходами и Вестфладом расположены Открытые Земли, холмистые и частично залесенные. Они довольно легко проходимы, и думаю, наш путь будет лежать через них.

– Но разве мы не можем повернуть еще севернее? – поинтересовался Элоф. – Ведь там в Щитовом хребте есть широкие ущелья, откуда вытекают реки.

– Да, но эта местность расположена далеко за нашими рубежами. Мы до сих пор называем ее Спорными Землями, и они вдвойне спорные теперь, когда эквешцы захватили почти весь Норденей. И посмотри, что лежит к западу от них! Твои зловещие болотные пустоши; реки, вытекающие из ущелий и питающие их, в свою очередь питаются талой водой от Льда и всем, что он приносит с собой. Там для нас нет безопасного пути.

Элоф пожал плечами.

– А где он есть, раз уж мы собираемся углубиться в Лес? Когда-то я чувствовал себя почти как дома на этих болотах... но я согласен с тобой. Пустоши на юге, война на севере. Так или иначе нам нужно искать путь где-то посередине.

Путь на северо-восток был долгим, так как сначала им пришлось идти прибрежной дорогой, огибавшей западные отроги Леса. Когда же они вышли на Высокую Дорогу, проложенную поверх старинной насыпи, продвижение стало более быстрым и уверенным. Трудно было лишь найти кров для ночлега, так как все придорожные гостиницы и постоялые дворы были опустошены эквешскими фуражирами, а жилища в окрестных землях – от крестьянских лачуг до некогда богатых поместий – находились в плачевном состоянии. Их мрачные останки вдоль дороги, похожие на торчащие черные зубы, обостряли бдительность путешественников; некоторые мародеры, захваченные врасплох внезапным бегством своих соратников, все еще

могли рыскать в здешних местах. Жители, вернувшиеся обрабатывать свои поля, укрывались за наспех выставленными палисадами и встречали чужаков сердито и подозрительно. В сущности, они мало чем могли поделиться, даже если бы проявляли гостеприимство. За некоторыми воротами стояли виселицы, увешанные смуглыми телами, но никто не знал, кому принадлежали эти тела – эквешцам или северянам. Путники на Высокой Дороге вели себя еще более опасно; многие спасались бегством еще до приближения отряда или завидев людей с бронзовым оттенком кожи. Общее настроение немного улучшилось, когда они повернули в глубь суши, еще не затронутой эквешскими набегами. У брода через реку Юрмелек, обозначающую южный рубеж Нортмарша, они встретили сильный отряд охраны из гарнизона Стражей Границы, оставленный здесь Катэлом выслеживать мародеров.

Керморван полагал, что жители окраинных земель в военное время будут искать убежище именно в этих внутренних регионах Брайхейна, а не в переполненном городе, и Элоф понимал почему. Климат здесь был довольно теплый, а земля – плодородной и пока нетронутой войной. Некоторое время они путешествовали с большими удобствами, чем раньше, но наконец подошли к окончанию Высокой Дороги в верховых долинах Юрмелека. Торными тропами они прошли еще несколько лиг по крутым травянистым склонам, а после этого остались лишь тропинки, ведущие к маленьким фермам.

Но как-то жарким утром, когда они остановились пополнить запас провизии у одной из маленьких ферм, расположенной высоко над постепенно сужающимся ущельем Юрмелека, они не нашли пути дальше. Плотная лесная поросль покрывала склоны впереди, становясь все гуще и темнее, насколько хватало глаз. Они снова подошли к окраинам Айтенека, или Малого Леса.

– Это верно, милорд, – проскрипел сгорбленный старик, наливший им эля из кувшина. Его речь была густо усеяна местными выражениями, малопонятными для северян. – Раньше, когда я был помоложе, здесь были другие тропы, но их давно нет. Заросли травой, как и огороды, куда они вели.

Он потянул Керморвана за рукав, приглашая всех пройти по растрескавшимся и заросшим сорняками каменным плитам на задний двор.

– И фермеры, и их дети давно ушли в Каэр Мор, ваш большой город. Я остался последний, совсем один, и за моей спиной нет ничего, кроме лесной глуши и пустых югел-драу.

– Он имеет в виду... – начал Керморван, но его голос пресекся. Действительно, позади дома не было ничего, кроме возвышенной равнины, целого моря колышущейся зеленой травы, а вдалеке виднелась размытая линия более темной зелени. Но выше, громоздясь на фоне дымчато-голубого неба, возносились серо-белые пики Менет-Скахаса, щита и границы царства Брайхейн и всех Западных Земель. Они простирались до самого южного горизонта цепью огромных зубчатых бастионов, противостоящих дикой глуши по другую сторону. Однако на севере они резко обрывались; от последнего пика тянулся короткий отрог, заканчивавшийся высокими крутыми холмами – серыми, мглистыми и почти безлесными, если не считать берегов речного ущелья. Но за ними возвышался другой хребет, откуда горы продолжали свое величавое шествие на север.

– Да, милорд, теперь это все, что здесь осталось. Великая Глушь. Иногда темной ночью или когда на улице метет метель, она приходит сюда и стучит, и скребется в мою дверь. А когда меня не станет, она войдет в мой дом и поселится здесь. Тогда последним будет старый Эдми, что живет внизу, в долине, но она заберет и его... – Он разразился кашляющим смехом. – А что потом? Кого она возьмет следующим, как вы думаете? Все дело только в том, сколько осталось ждать! Мы уходим, милорд, один за другим, а она расплзается по свету.

Они попрощались со старым фермером и выехали на широкое предгорное плато. Высокая трава с тихим шелестом прикасалась к их ногам, когда они проезжали мимо, словно умоляя их отказаться от безрассудного предприятия и вернуться к обжитым местам. Даже пони как

будто почувствовали перемену в воздухе на этой восточной оконечности известных земель. Их лагерь той ночью был неудобным и открытым всем ветрам; люди жались друг к другу у костра и пытались взбодрить друг друга веселыми историями.

На следующий день они достигли края плато. Пологий склон заканчивался у заболоченного русла реки, где было трудно найти переправу, а на другой стороне начинался еще более пологий подъем к холмам. Эта местность, поросшая короткой травой с разбросанными тут и там редкими кустами и деревьями, оказалась не более гостеприимной. Палатки из промасленной ткани защищали от весенних дождей, но ветер безжалостно выстуживал их; в последующие дни и горы, и небо слишком часто исчезали за пеленой морозящего дождя. В одно хмурое утро они увидели на вершине холма впереди громадную плиту из серовато-коричневого песчаника неправильной формы, заросшую кустарником у основания. Она имела зловещий вид, воздетая на фоне пасмурного неба, словно гигантская ладонь, выставленная жестом молчаливого запрета.

Элоф и Керморван, уверенные в том, что плита не может иметь естественное происхождение, выехали вперед, чтобы изучить ее. Еще до того, как приблизились к ней, они увидели, что на камне была высечена некая надпись. Но время и дожди размыли символы, глубоко вырезанные в мягком песчанике, – превратив их в неразборчивую вязь пересекающихся бороздок. Разочарованный, Керморван подъехал к дальней стороне плиты и крикнул оттуда Элофу:

– Мы можем догадаться, о чем там было написано! Иди и посмотри!

За камнем склон холма круто обрывался; долина внизу, как и многие, которые они миновали до сих пор, была окутана дождливой мглой, и ее дальняя сторона оставалась невидимой. Или все-таки... Пока Элоф напрягал зрение, переменчивый ветер ненадолго разогнал пелену и явил взору то, что скрывалось за ней. Холмы заканчивались там, где стояли они с Керморваном; они миновали межгорный проход, и Элоф впервые увидел то, что видели немногие люди, живущие на западе, – восточные окраины Щитового хребта. Они изгибались в глубь Открытых Земель словно обнимающая рука, а за ними, насколько он мог видеть в обоих направлениях, тянулась голубовато-стальная лента, тут и там распадающаяся на тонкие нити или делающая широкие изгибы. Это мог быть только Вестфлад, с его многочисленными притоками и разливами.

Между горами и рекой, как и предсказывал Керморван, лежали Открытые Земли – пологие, кое-где покрытые перелесками и пятнами кустарника. Но взгляд Элофа был прикован к тому, что находилось на противоположном берегу реки. Об этом говорила надпись на камне! Там была чернота, целый океан черноты, простиравшийся до самого горизонта. Он хорошо знал, что это такое, но все равно напрягал зрение, тщетно пытаясь отыскать хотя бы какой-то проем, какую-то прореху в этой плотной массе. Повсюду на другой стороне реки безраздельно властвовал Великий Лес, Тапиау'ла-ан-Айтен.

Новый заряд дождя поглотил открывшееся расстояние. Керморван направил своего пони вперед, окликнув остальных и указав вниз по склону. Неподалеку находился единственный лесистый участок на протяжении нескольких лиг пути, где они могли найти укрытие.

– Мы должны попасть туда прежде, чем начнется гроза! Но, хотя это еще не Лес, будьте начеку!

Им было трудно последовать этому совету, подгоняя усталых животных вниз по крутому склону; пони то и дело спотыкались, их копыта скользили по мокрой траве. В конце концов путникам пришлось спешиться и вести в поводу несчастных лошадок, от которых валил пар. Дождь постепенно усиливался, и они совсем промокли, когда наконец вступили под первые древесные кроны. Но и здесь вода скатывалась по листьям и струилась вниз тонкими ручейками, загоняя их все глубже под лесную кровлю. Вокруг сгустились тяжелые сумерки.

– Я почти скучаю по доброму старому снегу в Нордене! – проворчал Рок и шумно чихнул.

Керморван сделал резкий жест, призывая к осторожности, и выслал на разведку Кассе и Эйсдана. Высокий широкоплечий северянин скользил между деревьями так же бесшумно, как и худой южанин; лишь тихий шорох выдавал их движение в плотном кустарнике, пока они кружили неподалеку, выискивая малейшие признаки опасности. Тем временем путники собрались тесной группой возле вьючных животных, стараясь забыть о голоде и усталости.

Внезапно за шиворот Элофу закапала вода. Он раздраженно посмотрел вверх; дождь падал из прогалины в листве, где виднелся кусочек серого неба. Какая-то большая птица плавно проскользнула там и сразу же исчезла. Элоф снял с седла свою вьючную суму и стал рыться там в поисках капюшона. За его спиной раздалось тихое потрескивание, в воздухе вдруг запахло дымом и послышался тонкий посвист пара, испускаемого сырым деревом при растопке. Обернувшись, Элоф обнаружил, что его спутники накладывают ветки на маленькие пляшущие язычки пламени. Тонкая струйка белого дыма уже поднималась наверх и разносилась ветром среди ветвей. Хольвар сидел на корточках и с довольным видом щелкал своим огнивом о кремь.

– Вы, трижды проклятые идиоты! – прорычал Элоф.

– Послушай, может быть, ты хочешь замерзнуть здесь до смерти, пока наш драгоценный лорд будет раздумывать, но мы не хотим! – раздраженно сказал Тенвар.

Элоф двинулся вперед, собираясь затоптать костер, но Тенвар и Бьюр преградили ему дорогу. Он оттолкнул их – не очень сильно, только для того, чтобы освободить проход. Хольвар встал перед костром в угрожающей позе, и Элоф, не желая вступать в драку, наклонился за пригоршней жухлых листьев, чтобы пригасить пламя. Что-то свистнуло у него над головой, и Хольвар внезапно издал приглушенный вскрик, закончившийся булькающим хрипом. У северянина подогнулись ноги, и он рухнул на колени; кровь хлынула у него изо рта, заливая одежду и древко стрелы, пронзившей его горло. Ее черно-белое оперение стало алым, и Хольвар упал лицом вниз в собственный костер.

Увидев стрелу, Элоф сразу же упал ничком, увлекая за собой Тенвара и Бьюра. Он прижался к земле, придавленный сверху тяжелой заплечной котомкой, и крикнул:

– Все в укрытие! Это эквешцы!

Зловещий ветер засвистел в ветвях; листья дергались и облетали, пронзаемые тонкими черными полосами. Но застигнутый врасплох отряд все же получил предупреждение, и прежде чем следующая стрела нашла свою цель, все попрыгали с седел в разные стороны, вслепую ныряя за деревья или в кусты, вопли и стоны смешивались с глухим стуком вонзающихся стрел. Жалобный крик заставил кровь застыть в жилах Элофа; один из вьючных пони попятился и упал, запутавшись в упряжи и отчаянно лягаясь. Остальные животные, охваченные ужасом от стрел, вонзавшихся в седла и вьючные сумы, испуганно ржали и плотной группой скакали вперед, не разбирая дороги. За деревьями началась суматоха; одетые в черное фигуры выбегали из укрытия и уворачивались от летящих копыт.

– Так вот где они рыщут! – прорычал Гизе и сделал два быстрых выстрела. Одна из черных фигур высоко подпрыгнула и упала. Сзади послышался треск, и охотник с проклятием обернулся, но это был Керморван – все еще в седле, он уклонялся от хлещущих ветвей и прищипывал своего пони.

– Вставайте! – звонко крикнул он. – Вставайте и сражайтесь! Они идут! Морван морлан-хал!

Рок с Элофом вскочили и устремились следом. За ними бежали Тенвар и Бьюр. Их пепельно-серые лица были покрыты грязью и потом, но в глазах горел гневный огонь. Где-то сбоку ревел зычный голос Эрмахала, звавшего Мэйли и других корсаров. Впереди щелкнула отпущенная тетива арбалета Кассе. Судя по вскрику, стрела нашла цель, но потом сумрак наполнился неясными тенями и топотом. Внезапный удар чуть не сбил Элофа с ног и вышиб из него дух: он с размаху наткнулся на корягу, скрытую в кустах. Он схватился за меч, но ору-

жие запуталось в колючих ветвях. Перед ним выросла фигура с копьём, наконечник которого грозно поблескивал за раскрашенным щитом. Элоф сорвал с плеча котомку с инструментами и швырнул ее вперед. Щит треснул, а копьеносец пошатнулся и отступил; в следующее мгновение серо-золотистый клинок обрушился на его голову, и он упал под копыта пони Керморвана. Пони споткнулся, чего не могло бы произойти с боевым конем, и Керморван вылетел из седла. Еще один меднокожий воин устремился вперед с копьём наперевес, но был сражен палицей Рока, ударившей его в лицо. Элоф наконец освободился и обратил внимание на тусклый блеск металла в раскрытой котомке у его ног. Это был большой кузнечный молот. Элоф не стал убирать его во выючую суму вместе с другими инструментами; несмотря на то что молот был вымыт и отскоблен дочиста, ощущение смерти как будто пристало к нему, замутняя внутреннюю сущность, которую истинный кузнец должен чувствовать в своих инструментах, и Элоф опасался, что оно, подобно заразе, может распространиться и на другие орудия его труда. Теперь молот как будто засверкал у него перед глазами, являя свою разрушительную мощь.

– Да будет так! – вскричал он. – Больше ты не будешь ковать металл; иди сюда и усмиряй людей!

Молот словно прыгнул ему в руку, и как раз вовремя. Три фигуры надвинулись на Элофа и два копья устремились к нему. Он почувствовал, как острое жало обожгло ему ногу. Кровь бросилась ему в голову; с яростным криком он схватил молот обеими руками и описал им широкую дугу, закрутившись на месте от инерции тяжелого инструмента. Мир на мгновение превратился в мешанину размытых форм и невнятных воплей, а потом вокруг снова образовалось свободное пространство, и он попытался сориентироваться среди мелькания и лязга мелких стычек, возникавших то тут, то там в плотном кустарнике.

Затем время как будто остановилось. Среди шума схватки прозвучал новый звук – нестройный угрожающий рев, источник которого находился где-то поблизости. Все стали озираться по сторонам, на время забыв о взаимной вражде. Элофу показалось, что ни члены его отряда, ни эквешцы не могут понять, чего им следует ожидать от этого вмешательства.

За спиной Элофа послышался кровожадный крик. Боцман Мэйли стремглав промчался мимо, вращая над головой своей абордажной саблей, и набросился на эквешского воина, такого же рослого, как и он сам. Тот пригнулся и одним плавным змеиным движением выставил навстречу копьё. Кожаная куртка Мэйли лопнула на спине, и металлический наконечник копья показался между его лопатками. Но сила корсарского натиска была такова, что Мэйли продолжал двигаться вперед; тяжелый клинок конвульсивно опустился, и голова эквешца слетела с плеч. Оба тела повалились на мшистую прогалину, соединившись в смертельном объятии. Другой эквешец нацелил копьё для броска, но Эрмахал выскочил ему навстречу и схватил оружие за длинное древко. Какое-то мгновение они раскачивались в безмолвной борьбе, затем мощные плечи капитана напряглись, и копьё внезапно вонзилось в тело его бывшего владельца. На Эрмахала набросились еще несколько эквешцев, но под натиском Керморвана, молнией вылетевшего из кустов, они разлетелись в стороны, как сухие листья на осеннем ветру. Элоф потрясенно наблюдал за происходящим; он хорошо знал воинское мастерство Керморвана, но еще никогда не видел своего друга таким, как сейчас.

Керморван врывался в самую гущу врагов, разя направо и налево. Он рубил, колот, крушил, уклонялся, разворачивался и парировал удары, сыпавшиеся на него с разных сторон – всегда на долю секунды быстрее противника, однако с неизменной точностью, не тратя даром ни одного движения. Это был настоящий танец смерти, ибо копья и щиты разлетались в щепки под ударами Керморвана, а его меч оставлял в воздухе алые следы, которые, казалось, парили на неощутимом ветру. То было убийство, превращенное в искусство, мастерство более сложное и глубокое, чем сочетание силы, проворства и отваги. Высокие эквешские воины обладали всеми этими качествами, однако Керморван проходил через них без единой царапины, а все, кто противостоял ему, склонялись к земле как тростник под серпом. Это ужасающее зрелище

обладало зловещим очарованием еще и потому, что оно не могло долго продолжаться. Если эквешцы не дрогнут, конец мог быть только один.

Несмотря ни на что, огромный воин с белыми волосами – по-видимому, вождь нападавших – бросился в атаку вместе с одним из лучников, указывая остальным на Керморвана. Элоф собрался с духом и поспешил на помощь другу. Лучник быстро прицелился, но Элоф еще быстрее раскрутил молот и швырнул его в противника. Тот волчком закружился на месте и упал; лук и ключица были сломаны одним ударом, а ошеломленный вождь отскочил в сторону. Элоф подобрал молот и на бегу засунул его за пояс. Теперь он выхватил из ножен Гортауэр, и черный клинок наконец запел свою пронзительную песню смерти.

Этот призыв как будто был услышан и встретил ответ. Среди деревьев вновь прозвучал странный нестройный рев, – но теперь уже гораздо ближе. Эквешцы услышали его и отступили, но Керморван тремя быстрыми шагами догнал их и убил двоих, прежде чем остальные успели разбежаться.

– Ко мне, люди запада! – прозвучал его призыв. – Сражайтесь, и мы одолеем их!

Он повернулся к Элофу, который как раз подбежал к нему, и добавил:

– Одолеем, если сможем! Это не простые мародеры; их здесь около сотни. К тому же они устроили засаду!

Из-за деревьев надвинулась стена раскрашенных щитов. Элоф высоко взмахнул Гортауэром, перерубив тонкую ветку с листьями над головой, чтобы ударить по щиту сверху. Потом щит опустился и он увидел напряженную хищную ухмылку и копье, нацеленное в его незащищенную грудь. Но внезапно по свирепому лицу, обезображенному ритуальными шрамами, как будто пробежала туманная рябь. Изумленный эквешец поднес руку к глазам, а Гортауэр опустился вниз одновременно со своей черной тенью. Оба бойца упали в кусты, но лишь Элоф снова поднялся на ноги. Повсюду вокруг раздавались крики и лязг оружия, но он больше не видел Керморвана.

Рядом треснула ветка, и Элоф резко обернулся. Глаза и зубы блеснули в сумраке; он услышал шипящее дыхание и взмахнул Гортауэром, но опоздал. Тяжелый щит врезался ему в грудь, он заскользил по палой листве и упал. Меч, запутавшийся в колючем кустарнике, вылетел из его руки, а сам он рухнул на спину, почти оглушенный тяжким ударом. На какой-то миг, слишком короткий для того, чтобы испугаться, он увидел над собой огромного беловолосого вождя эквешцев и утыканную стальными шипами палицу, которая медленно, но неумолимо опускалась ему на голову.

Но удар не достиг цели, а эквешец как будто рванулся вперед и перекатился через Элофа, увлекаемый силой копья, воткнувшегося ему в спину. Со всех сторон грянул трубный рев боевых рожков, перекликавшихся в странном яростном ритме. Послышался топот множества ног; из полутьмы вынырнули какие-то приземистые фигуры, перепрыгнули через него без остановки и исчезли. Впереди снова раздались крики и лязг клинков. Элоф перекатился на бок и сел, тяжело дыша и морщась от боли, потом потянулся, чтобы вытащить Гортауэр из массы спутанных ветвей. Облачный узор на рукояти переливался еще ярче в зыбком вечернем свете, но с лезвия меча как будто стекала черная тень. В лесном талисмани еще оставалась какая-то сила. Элоф быстро огляделся по сторонам в ожидании новой опасности, но шум схватки лишь приглушенно доносился из-за деревьев впереди и постепенно отдалялся от него. Если не считать трупа эквешского вождя, он был совершенно один.

Внезапно его охватил тошнотворный страх за судьбу друзей. Он встал и пошел на шум, ожесточенно прорубаясь через кусты, преграждавшие путь. Увидев впереди какой-то просвет, он выставил меч перед собой и, тяжело дыша от усталости, несколькими взмахами расчистил последнюю колючую поросль.

Там стояли фигуры в доспехах, опиравшиеся на копья или секиры, но никто не сделал угрожающего движения в его сторону. Элоф остановился, настороженно пригнувшись, а потом

вдруг рассмеялся от радости и облегчения. С чувством, похожим на любовь, он смотрел на кряжистые фигуры и суровые лица, более морщинистые, чем кора деревьев вокруг них. Опустив меч, он стал лихорадочно припоминать свой скудный запас дьургарских слов, но они просто кивнули ему и жестом показали, куда нужно идти. Он кивнул, все еще не в силах поверить в случившееся, и пошел между рядами воинов; теперь он видел, что это боевое охранение, выставленное для наблюдения за лесной окраиной, где могли скрываться бежавшие эквешцы. Дальше начинался узкий двойной ряд деревьев; там он увидел знакомые лица и снова побежал, что-то крича и махая рукой. Тенвар поднялся и помахал в ответ, а рядом с ним маячили фигуры Арвиса и Бьюра. Но вдруг перед ним возникла другая фигура – небольшая, но плотно сбитая, – причем так близко, что он не мог не столкнуться с ней. Сильные руки стиснули его в объятии, едва не оторвав от земли.

– Уф! Ты стал тяжелым! – Иле смеялась и плакала одновременно. Элоф с восторгом прижал ее к себе и поцеловал так крепко, что легкий шлем, который она носила, свалился с ее темных кудрей. Потом он остановился и с новым беспокойством огляделся по сторонам.

– Иле! Но как... Где Керморван, Рок...

– Все еще охотятся вместе с моими соотечественниками. Думаю, большая часть вашего отряда не пострадала. Они... Мы боялись, что ты попал в плен.

– Нет. Битва прокатилась через меня, и все. – Элоф снова обнял ее. – Но как, во имя Сил, ты оказалась здесь со своим народом именно в тот момент, когда мы больше всего нуждались в вас?

Иле фыркнула и не слишком деликатно пихнула его в живот закованным в броню кулаком.

– Ты такой же дурной, как эти людоеды, которые поклоняются Льду! Думаешь, горные жители время от времени не смотрят, что творится внизу? Мы считаем эти земли между горным хребтом и рекой своими, хотя теперь редко ходим здесь, если не считать лесорубов, пополняющих запас древесины. Этой дорогой я возвращалась домой и обнаружила, что окрестности просто кишат эквешцами. Большой их отряд спешил на юг, прочесывая все земли к западу от реки и выставляя заставы на каждой тропе, по которой могли пройти путешественники, которые держат путь на восток. Мне пришлось отклониться от своего маршрута далеко к югу, чтобы не столкнуться с ними, но в конце концов я достигла гор. Начальник нашего привратного гарнизона считал, что эквешцы слишком сильны, чтобы сразиться с ними без веской причины, но я догадалась, что вы, несчастные идиоты, можете попытаться пройти здесь. Поэтому я убедила их поставить специальный дозор на холмах и послала весточку Анскеру.

Элоф взъерошил ей волосы.

– И твои дозорные увидели стычку... здесь, в густом лесу? За последний год у дьургаров появилось острое зрение!

– Нет, оболтус. Дозорные увидели, как отряд эквешцев входит в лес, словно для того, чтобы устроить засаду. Наши воины лишь дожидались темноты, чтобы спуститься с холмов и разобраться с ними. Но потом они заметили приближение вашего каравана и спешно вызвали стражу из гарнизона. Разве ты не слышал наши рожки, когда мы торопились на выручку? Мы знали, что можем опоздать, поэтому Анскер приказал трубить изо всех сил в надежде отпугнуть варваров.

– Анскер? Твой отец? Он здесь?

– Это действительно так, поденщик, – произнес глубокий голос за его спиной.

Элоф отпустил Иле и развернулся. Он пожал протянутую навстречу мозолистую руку и опустил ее на одно колено.

– Мой мастер! Ты снова вмешиваешься, чтобы спасти нас!

Жесткие складки лица Анскера были такими же суровыми и глубокими, как всегда, но улыбка, игравшая на его тонких губах и прячущаяся в глубине темных глаз, намекала на внут-

реннюю доброту. За ним, сопровождаемые мрачными дьургарами, из-за деревьев выходили другие члены отряда – Керморван, Рок, Эрмахал, Кассе... все живые и относительно невредимые. Анскер действительно спас и их самих, и их миссию.

– Но тебе не следовало самому рисковать жизнью ради нас! – не удержался Элоф.

Пожилый дьургар рассмеялся и помог ему встать на ноги, придержав за локоть.

– Мне было бы жаль видеть, как плоды моего долгого обучения пропадают впустую. – Анскер потер гладко выбритую кожу над верхней губой, словно пытаясь скрыть улыбку. – В любом случае это был мой долг. Боюсь, нам скоро придется столкнуться с этими незваными пришельцами на наших северных перевалах. Владыке дьургаров следует кое-что знать о том, как они сражаются.

– Владыке...

Иле хмыкнула.

– Его избрали следующим лордом дьургаров после Ан-Двара. Сам он считает это довольно сомнительным удовольствием.

– Итак, теперь у нас есть высокопоставленный друг в подгорном царстве, – немного натянуто произнес Керморван. Он повернулся к Элофу: – Но ты, друг мой, как я рад видеть тебя живым и здоровым! Он достал тебя, этот копейщик, но остальные навалились на меня прежде, чем я успел прийти на выручку. Как тебе удалось спастись?

Элоф рассказал ему о талисмани, вставленном в рукоять меча, и Анскер попросил посмотреть. Его узловатые пальцы, похожие на корни старого дуба, как будто следовали изменчивым очертаниям темных облачных узоров на рукояти, стараясь проникнуть глубже.

– Дивная вещь, – со вздохом сказал он. – Ты поступил очень мудро, что не выбросил лесной талисман. Но будь осторожен! Ты вложил частицу своей души в этот клинок; поместив туда эту вещь, ты связал себя с Лесом невидимыми узами. Теперь здесь содержится не одно, а несколько свойств.

– И довольно полезных, – жизнерадостно добавил Рок. – Сдается мне, что пока вы с лордом Керморваном отвлекали эквешского вожака, он не смог как следует организовать атаку, а у нас хватило времени, чтобы разделить и дать деру. Ну а потом появились эти молодцы, – он кивнул в сторону дьургаров, – и тогда уже людоедам пришла пора разбежаться. Готов поспорить, они все еще бегут: от страха-то, наверное, в штаны наложили.

– В самом деле, – согласился охотник Кассе. На его обычно угрюмом лице все еще лежал отпечаток детского восторга. Потом оно омрачилось. – Очень жаль, что твой меч не смог набросить тень на тот костер, который развели юные глупцы. Из-за них варвары заметили нас.

– Они не знали! – резко ответил Элоф, увидевший, как Тенвар вздрогнул, а Бьюр отвернулся в сторону. Смерть друга была для них тяжелым бременем, и они не нуждались в дальнейшем осуждении.

– Эквешцы уже ждали нас, Кассе, – сказал Керморван, растирая пальцами шею. Его лицо было хмурым. – Они лишь выбирали момент для удара. Оставь парней в покое и дай нам сделать переключку. Хольвар убит и Мэйли тоже, как это ни печально. Все остальные здесь?

Они посмотрели друг на друга: все лица были покрыты коркой запекшейся грязи или измазаны кровью, некоторые угрюмые и решительные, другие изможденные от пережитого потрясения. Элофа самого трясло от внезапной слабости, но среди присутствующих он не мог увидеть лишь еще одно знакомое лицо.

– Перрек там. – Эрмахал махнул рукой. – Его ранили копьем в мякоть бедра, но маленький народец уже законопатил дырку, так что с ним все в порядке.

– Отлично, – вздохнул Керморван. – Я опасался, что может быть хуже. А пони?

– Мы поймали четырех, – отозвался дьургарский воин. – Может быть, сейчас уже больше. Вьючные сумы разбросаны в окрестностях, многие вещи рассыпались. Их мы тоже соберем.

Керморван благодарно кивнул.

– Тогда нам повезло больше, чем я рассчитывал. И мы у тебя в еще большем долгу, лорд Анскер.

– Друзьям нет нужды говорить о долгах, – улыбнулся Анскер. – Как ты сам однажды сказал, мы сражаемся с общим врагом. Что ж, вы устали и нуждаетесь в отдыхе, но мы не можем медлить: эти земли кишат варварами, а бежавшие с поля боя могут привести сюда сильное войско. Ты должен хотя бы немного пройти с нами на север, пока мы не окажемся в тени горного хребта. Если пожиратели человечины сунутся туда ночью, в живых не останется никого, кто сможет усвоить этот урок. Пойдем!

Сильно потрепанный и поредевший отряд двинулся из леса обратно в холмы. Многие уже с тоской поглядывали на последние отблески заката, догоравшие над их родными Западными Землями. Но молодые северяне и корсары больше оглядывались на лес, где остались их павшие товарищи. Теперь там догорал погребальный костер, и темные клубы дыма поднимались к плачущему небу. Эрмахал сплюнул и нахмурился.

– Пусть варвары смотрят! – проворчал он. – И устраивают свое пиршество, если кишка у них не тонка для этого!

Хотя путники прошли с дьургарами не более лиги, это расстояние показалось им огромным; конечности налились свинцом, раны пульсировали огнем на холодном ветру. Но когда кто-нибудь терял равновесие или поскользнулся на каменистом склоне, рядом всегда оказывалась приземистая фигура дьургара с квадратными плечами, который не говорил ни слова, но бережно поддерживал человека. Они с изумлением смотрели на этих суровых и неутомимых существ, ничуть не напоминавших «подземное отродье» из старых сказок. Иле держалась рядом с Элофом, и он был рад ее обществу. Лишь Керморван, шагавший впереди вместе с Анскером, не выказывал признаков усталости. Но когда он обернулся, чтобы посмотреть на дым погребального костра и окинуть взглядом остатки отряда, гневное выражение в его серых глазах не ускользнуло от Элофа.

Дьургары привели их к небольшой ложине между склонами холмов, скрытой за плотными зарослями карликовой березы. Там среди высоких камней журчал ручей, но больше не было заметно ничего особенного – до тех пор, пока за одним из каменных выступов, плавно скользящим внутрь, не открылся просторный чертог, вырубленный в скале.

– Такие укрытия мы делаем для наших дозорных и лесорубов, – объяснил Анскер, впустив их внутрь. – Они регулярно обходят окрестности, а иногда даже заглядывают в Лес. Здесь вы можете отдохнуть и залечить свои раны, не думая об опасности. – Он посмотрел на Керморвана, все еще бледного и мрачного, стоявшего в стороне от остальных. – А мы с тобой посоветуемся, и, может быть, я смогу помочь тебе выбрать дальнейший путь.

В стенном очаге быстро разожгли огонь; дымоход был хитроумно выведен наружу так, чтобы дым рассеивался над проточной водой. Продрогшие путники потянулись к очагу, но Элоф остался с Керморваном и Рок тоже. Иле, присоединившаяся к ним, принесла воду и целебные мази, чтобы врачевать легкие раны.

Керморван по-прежнему хранил молчание.

– Ты не должен упрекать себя, – сказал Элоф. – Откуда ты мог знать, что мы попадем в такую засаду? Ты принял достаточные меры предосторожности.

Рок энергично кивнул, но Керморван покачал головой.

– Тем не менее я проявил неосторожность, – тихо сказал он. – Я слишком много думал об опасностях Леса и недостаточно – о том, что может грозить нам раньше. Но ты ошибаешься, если думаешь, что сейчас это больше всего заботит меня. Иле, ты говорила, что эквешские войска спешили на юг?

Она кивнула, смазывая каким-то снадобьем разрез на щеке Рока.

– Они шли очень быстро, я бы сказала, в убийственном темпе, даже для их длинноногих воинов. Большое войско; те, с которыми вы столкнулись сегодня, составляют не более десятой части от него.

Лицо Керморвана окаменело.

– Вот как? Значит, им нужно было успеть на встречу – а с кем же еще, как не с нами? Они знали, что мы придем. Их послали, чтобы они выставили стражу на всех тропах и поджидали нас. Да, именно послали! Опять измена, снова предательство! В городе еще остались их соглядатаи!

Рок выругался.

– И к тому же способные чертовски быстро доставить вести на север, – добавил он.

– Верно, – кивнул Керморван. – Это не обычная предосторожность с их стороны; здесь попахивает расчетливым и смертоносным замыслом! – Он передернул плечами. – Не я ли еще недавно надеялся на десять лет мира и покоя до возвращения эквешцев?

– Нам повезет, если у нас будет хотя бы один год, – хмуро проворчал Рок. – Но тогда какой толк в нашем путешествии? Может быть, тебе лучше стоило вколотить хоть немного благоразумия в головы горожан?

Элоф с трудом подавил смех, распивавший его от внезапного прилива надежды.

– И это тяготит вас обоих? Вы сомневаетесь, есть ли толк в нашем странствии? На самом деле вы просто устали и не видите другую сторону монеты. Мы не знаем, какой толк, но похоже, наши враги знают это достаточно хорошо, раз для начала посылают тысячное войско, чтобы не пустить нас дальше!

Рок хлопнул кулаком по ладони, а Иле удивленно хмыкнула. Разгоревшийся огонь в очаге потрескивал под котлом с водой, и, когда Керморван медленно поднял голову, золотистые языки пламени заплясали в его серых глазах.

– Да, должно быть так. Должно быть! Я действительно слишком устал и не подумал о такой возможности. – Он вдруг улыбнулся, хотя улыбка вышла кривой из-за рассеченного рта. – Хорошо, тогда продолжим наш путь! Но, как командир, сейчас я приказываю вам обоим: сидите смирно и позвольте врачевать свои раны тому, кто знает в этом толк.

– А ты? – насмешливо спросила Иле. – Или порванный рот – небольшая потеря для командира? Ты следующий на очереди, мой долговязый друг!

В ту ночь они забылись глубоким сном совершенно измученных людей. Журчание воды убаюкивало их, а в крепкое дьургарское вино, должно быть, были подмешаны какие-то целебные травы, потому что все забыли о своих немоцах и не видели никаких снов... все, кроме Элофа. Он проснулся незадолго до рассвета, разбуженный странным видением, и обнаружил, что плакал во сне. Он снова видел черные лебединые крылья, уплывающие на север на фоне алого рассветного неба, но перед тем как исчезнуть, они повернули на восток.

Утром, когда они совещались с Анскером, лорд дьургаров предложил им выбрать именно северный маршрут:

– Южный путь, вниз по реке, теперь закрыт для вас. Охотники знают, что вы где-то здесь, и могут преследовать вас за пределами наших владений. Но если вы повернете на север, мы сможем прикрывать вас в течение некоторого времени и заменять ваши следы нашими собственными.

Керморван погрузился в глубокое раздумье.

– Ты очень добр, лорд Анскер, и я от души благодарю тебя, – наконец сказал он. – Но наш путь лежит на восток; рано или поздно нам нужно будет переправиться через Вестфлад и углубиться в Лес. Почему же не здесь?

Анскер кивнул.

– Дьургары не часто заходят в Великий Айтен, но мы кое-что знаем о нем. Это место глубокой тени и еще более глубоких тайн; много чар и чудес, больших и малых, творится под его

сумрачным пологом. Это не такое место, куда я бы охотно послал своих друзей. Но поскольку ваш поиск не оставляет иного выбора...

Он достал из рукава своей туники небольшую латунную коробочку, открыл ее и развернул длинный свиток из дьургарского тростникового пергамента. Заглядывая через плечо Керморвана, Элоф узнал змеистые контуры Щитового хребта, вычерченные точнее и подробнее, чем ему когда-либо приходилось видеть. Узловатый палец Анскера проследовал по длинной голубой линии, идущей вдоль его восточных склонов.

– Вот Горлафрос, который течет от самых границ Льда до южных пределов вашей земли. Питаемый тальми водами, он, в свою очередь, питает много озер и притоков. Этот, самый большой, вытекает через брешь в горной цепи Щитового хребта и питает Болотные Земли, хорошо известные Элофу; без сомнения, он извергает туда многие ужасы, которые приносит ото Льда. Дальше к югу река почти не меняет направления и не имеет крупных притоков. Но недалеко к северу отсюда есть другой приток, почти такой же большой. Он течет на восток.

– В самое сердце Леса! – взволнованно воскликнул Керморван. – Но как далеко, лорд Анскер? Он судоходен?

Анскер кивнул и улыбнулся.

– Ты быстро сообразил, что я имею в виду. Действительно, он судоходен для кораблей с небольшой осадкой. Но насколько далеко, не могу тебе сказать; на нашей памяти дьургары не проникали так далеко в Тапиау'ла-ан-Айтен. Говорят, что он заканчивается озером, откуда можно видеть какие-то высокие горы. Это все, что я могу сказать.

– Мой лорд, это гораздо больше, чем нам было известно! – Обычно бледное лицо Керморвана разрумнянилось, его серые глаза снова заблестели. – Ты дал мне надежный путь там, где я не надеялся найти никакого...

– Надежный, но не безопасный, – предупредил Анскер. – Возможно, тебе удастся сбить эквешцев со следа, но есть и другие, куда более худшие угрозы. Под кронами деревьев никакой путь нельзя считать безопасным.

– Но мы пойдем этим путем. – Мягкий голос Керморвана был подобен шелковой мантии, под которой скрывается острая сталь. – А поскольку вам удалось спасти большую часть нашего багажа и многих вьючных животных, мы послушаемся твоего совета и уйдем поскорее. Через час, если твои воины будут готовы.

– Как быть с Перреком? – вмешался Элоф. – Он способен ехать верхом, но не сможет ходить еще долгое время.

– Боюсь, его придется отослать назад, – ответил Керморван. – Он может взять верхового пони; мы же оставим лишь вьючных животных, а потом освободим их, чтобы они смогли найти дорогу на юг или в твои земли, Анскер. В лесу все равно лучше идти пешком. – Он осторожно потрогал рассеченный угол рта. – У меня есть этому доказательство. Остерегайтесь скакать галопом среди низких ветвей!

Перрек с достаточным упорством противился их убеждениям, но в глубине души корсар был рад, что может вернуться без упрека в трусости; широкий наконечник эквешского копья так изувечил его ногу, что никто не мог усомниться в правильности принятого решения. Они попрощались с ним около часа спустя, усадив на сильного пони Керморвана, в сопровождении двух верховых животных и крепкого молодого дьургара, вызвавшегося проводить раненого через холмы.

– В городе он не скажет ни слова о том, какой маршрут мы выбрали, – мрачно произнес Керморван. – По крайней мере хотя бы этот слух не дойдет до ушей согладатаев. Теперь и нам пора в путь!

– К счастью, мы немного потеряли из багажа, – сказал Тенвар, который навьючивал пони. Элоф одобрительно похлопал по выпуклой поверхности своей возвращенной сумы с инструментами.

– Немного, зато самое нужное, – буркнул Рок. – Подожди и сам увидишь!

Однако и он просветлел при виде ясного утра. Солнце ярко сияло в небе, а отдых, несмотря на непродолжительность, освежил путников и укрепил их силы. Большинство дьургаров, кроме Иле и нескольких молодых воинов, низко надвинули на глаза шлемы и капюшоны и принялись ворчать о том, что на земле в одну минуту замерзаешь, а в следующую – поджариваешься, как возле кузнечного горна. Элоф с Керморваном сочувствовали им, памятуя о неизменном прохладном сумраке в каменных чертогах, и были рады, что выбранный дьургарами маршрут большей частью находился под прикрытием кустарников или скалистых склонов.

– У эквешцев острое зрение моряков, – заметил Керморван. – А их шаманы, говорят, могут призывать к себе на службу другие глаза.

Элоф подумал о лебедь, но ничего не сказал. Он посмотрел на Иле, оживленно беседовавшую со своим отцом, и вспомнил тревожное подозрение, некогда прозвучавшее в ее словах.

«Она принадлежит Лоухи, а не тебе», – прошептала Иле...

* * *

После бестревожного многодневного путешествия параллельно течению реки путники приблизились к довольно большому озеру, первому из тех, о которых упоминал Анскер, и прошли через полосу густого леса, покрывавшего его берега. Когда они вышли к дальней стороне озера, то в свете серого утра обнаружили, что находятся под внешним изгибом Менет-Скахаса и смотрят на суровую холмистую страну, безлесную, но покрытую целой россыпью озер.

– Вот где Открытые Земли действительно соответствуют своему названию, – сказал Анскер. – Увы, слишком открытые для дьургаров и слишком далекие от наших родных гор. Здесь мы должны расстаться.

– Мой лорд, ты уже сделал для нас больше, чем мы смели просить, – с жаром ответил Керморван. – Не могу представить, как я отплачу за эту услугу, но мы не забудем...

– Хмпф! – фыркнула Иле, хотя Анскер нахмурился на нее. – А твои соплеменники? В самом деле, они не забудут то, чего не узнают!

Керморван вспыхнул – то ли от стыда, то ли от гнева, – но она лишь усмехнулась и ткнула его пальцем под ребро.

– Не волнуйся, долговязый; я же знаю, что ты говорил искренне и желаешь нам добра...

– Не только он! – неожиданно вмешался Эрмахал. – Мы тоже многое узнали. А ведь мы не принадлежим к тем, кого называют сливками общества, – скорее уж к отбросам. Если мы поверили, то и остальные смогут... или пусть пеняют на себя!

Анскер поклонился с серьезным видом.

– Вы оказываете нам честь, уважаемый сир. Но кстати, мы уже подумали о некоем воздаянии, которое вы можете совершить прямо сейчас, хотя цена может показаться высокой.

– О каком воздаянии? – с некоторой тревогой в голосе спросил Керморван.

– Об участии в вашем путешествии. О том, чтобы вы позволили нам разделить его невзгоды и успехи. Мы тоже пришли сюда с востока, за много веков до людей. Тропы, по которым мы шли, теперь погребены подо Льдом; неплохо бы найти новые и заодно узнать, как обстоят дела в Восточных Землях.

– Он имеет в виду, что, если мы хотим, чтобы ваше безумное предприятие увенчалось хоть каким-то успехом, нам будет лучше принять в нем участие, – насмешливо пояснила Иле.

– Но вы уже принимаете! – возразил Элоф. – Где бы мы были без вас?

– Скорее всего поджаривались бы на эквешском костре, – с некоторым удовольствием ответила Иле. – Но в темных недрах Айтена Великого мы не сможем так быстро прийти на помощь... если только не пойдем с вами. Или по крайней мере один из нас.

– Ты! – с восторгом воскликнул Элоф. – Но я думал, люди тебе уже опротивели!

– Городские толпы, это верно, – сказала Иле, слегка поморщившись. – Но ваша команда не так уж плоха, хотя и не блещет воспитанностью. Как-нибудь выдержу.

Керморван прятал свои чувства за бесстрастной маской, но Элоф едва не рассмеялся, ощущая внутреннюю борьбу, происходившую в его друге.

– Дорогая леди, – начал воин с натянутой формальностью. – Вы, конечно, будете желанной спутницей, очень желанной... но мы... но неведомые опасности...

Иле сделала свирепую гримасу и агрессивно выставила свою пышную грудь.

– Мой дорогой лорд, ты хочешь сказать, что во время нашей последней увеселительной прогулки я не вполне справилась со своими обязанностями? – Она многозначительно провела пальцем по лезвию инкрустированного серебром топора, висевшего у нее на поясе. – Потому что если ты считаешь...

– Думаю, дело можно считать решенным, – спокойно заключил Анскер.

Элоф посмотрел на него.

– Учитель, ты посылаешь с нами бесценное сокровище.

– Сокровище! – презрительно фыркнула Иле. – Невелика потеря для душных пещер, когда для дьургаров есть настоящая работа в большом мире.

– Боюсь, общение с людьми испортило ее, – с ироничной серьезностью заметил Анскер. – С каждым днем она становится все более похожей на человека. Но если говорить серьезно, я во многом согласен с ней, – с печалью в голосе добавил он. – Мы слишком долго оставались скрытыми от мира и противились переменам, которые в нем происходили. Но нельзя вечно скрываться. Нас становится все меньше, а наша молодежь не видит для себя достойного будущего. Даже наше кузнечное мастерство понемногу хиреет, тогда как твое, Элоф, теперь возрастает среди людей. Что-то должно измениться, и может быть, это путешествие станет началом желанных перемен. Немногие из нас обладают большими способностями, чем Иле, и никто так не привычен к дневному свету и человеческому обществу.

Он улыбнулся.

– Да, я буду тосковать по ней. Но я не стал бы удерживать ее от этого... даже если бы мог!

Он повернулся и обнял дочь. Людям такое объятие могло бы показаться кратким, но оба эти существа были старыми, гораздо старше большинства людей, и Элоф догадывался о потоке чувств, скрывавшемся за легкомысленной манерой общения, таком же глубоким и сильным, как течение темной реки под каменными сводами.

– Мы будем заботиться о ней! – заверил он, уклонившись от удара Иле, нацеленного ему в живот.

– Знаю, – сказал Анскер.

Он взял Элофа и Керморвана за руки.

– Итак, прощай, мой лорд! Пусть твои высокие предки хранят и направляют тебя в твоих исканиях. И ты тоже прощай, мой поденщик. Не уставай стремиться к мастерству – ты хорошо знаешь к какому. Но будь осторожен и изучай тонкие искусства так же усердно, как используешь силу стихий, – если то, что я слышал о тебе, произошло на самом деле. Наковальни нынче дороги! – Он рассмеялся, но Элоф лишь склонил голову. – Солнце поднимается все выше, и скоро наши бедные головы начнет припекать. Пойдемте, дьургары, горы зовут нас! Пора расставаться!

Дьургарские воины накинули на головы капюшоны и тесно запахнулись в плащи. Потом они одновременно поклонились с церемонной учтивостью и как будто растворились в лесных тенях, настолько тихим был их уход.

Иле посмотрела на Элофа и улыбнулась. Он натянуто улыбнулся в ответ.

– У тебя были какие-то причины покинуть город, о которых ты не упомянула... – начал он.

– Ах это! – Она пожала плечами. – Вдалеке так же плохо, как и вблизи – вот и все, что я узнала.

Элоф не понял ее, зато понял, что больше она ничего не скажет, и решил сменить тему.

– Анскер сказал, что дьюргары тоже пришли с востока. Когда это было?

– Когда там появились первые люди, – жестко ответила Иле. – Мы бежали от вас так же, как вы бежали от Льда.

Прожаживаясь вдоль каравана пони, когда они готовились к отбытию, Элоф наклонился, чтобы поправить ослабшую подпругу, и услышал в стороне голос корсара Борхи:

– А эти малыши не так уж плохи, верно?

– Вот и целуйся с ними, если хочешь! – отозвался резкий голос, который мог принадлежать только охотнику Кассе. – Если бы ты был охотником вроде меня, то знал бы лучше, что много всяких тварей бродит по лесу в человеческом облике; от некоторых лучше держаться подальше, а другие... ну, с ними можно договориться. Но дьюргары – это жуткие твари, и по мне так хорошо, что мы наконец от них избавились!

– А как насчет ихней дамы? – это был рулевой Дервас со своим хриплым смешком. – Ее формы для тебя недостаточно человеческие?

– Титьки что надо! – с энтузиазмом поддержал Борхи. – Что такое, Кассе, боишься ее топора? Она умеет махать им, можешь не сомневаться!

– Я лягу в постель с нормальной женщиной или ни с кем! – недовольно проворчал Кассе. – Мой господин убивал любое дьюргарское отродье, какое мог найти, а потом развешивал этих паразитов сушиться на деревьях. Что до гномьей сучки, пускай она достанется парню-жестянщику с севера. Он почти такой же дикий...

Они двинулись дальше вдоль каравана, оставив Элофа кипеть от сдерживаемой ярости. Хорошо еще, что Керморван почти немедленно дал приказ выступать, но даже когда они тронулись в путь, у Элофа не было настроения любоваться красивыми видами или радоваться свежему ветру. Он держался особняком в конце каравана, и ни Тенвар, ни Бюр не осмеливались беспокоить его. В словах корсара Элоф не находил большого вреда, но каждое слово Кассе ему хотелось вбить обратно в глотку вместе с зубами. Кассе воплощал в себе худшие сотранские предрассудки; его разум был извращен и пропитан грязными мыслями. Этот человек презирал тех, кто пришел ему на помощь, и низводил дружеские чувства Элофа к Иле до самого низменного и непристойного уровня. Как будто это могло быть правдой! На какое-то мгновение взгляд Элофа заблудился в сумрачном небе, а сам он погрузился в сон наяву, сон о Каре, стройной и прекрасной в лунном свете, о влажном блеске ее темных глаз, о последней муке утраты. Потом перед его мысленным взором появились другие темные глаза, и другая мысль, подкрадываясь незаметно, вырвала его из пленительных объятий сна, когда он был меньше всего готов к этому. Разумеется, он знал о своих чувствах по отношению к Иле, но кто знает, какие чувства она может испытывать к нему?

Эта мысль встревожила и озадачила Элофа. Иле даже не принадлежала к человеческому роду, она была старше его на целую жизнь и гораздо более умудренной в делах этого мира; за ее плечами были все знания и мастерство древней расы дьюргаров. И она знала о Каре, возможно, даже видела ее в башне Вайды. Какие чувства она могла испытывать к нему, юному скитальцу, бездомному телом и духом? Даже свое имя он выбрал сам. Невозможно, но все же... Элоф посмотрел на Иле, смеявшуюся и обменивавшуюся шутками с Арвисом и Эрмахалом во главе колонны. Она даже ни разу не оглянулась и не посмотрела на него, молчаливого и одинокого, погруженного в свои думы. Он отогнал от себя назойливую мысль. Нелепость, да и только!

После девятидневного перехода через Открытые Земли, оставив горы далеко позади, они приблизились к самому большому озеру из нескольких, пройденных до сих пор, и поняли, что их цель близка. На карте, которую Анскер дал Керморвану, это озеро называлось Наконечник Копья, о чем говорила надпись, выведенная зубчатым дьюргарским почерком. По-видимому,

название было связано с формой озера, но на той высоте, где находились путники, они могли видеть только южный берег, а северный терялся за горизонтом. Синевато-серые воды поднимались на ветру, в нескольких местах испещренные проходящими зарядами весеннего дождя; восточный берег зарос тростником, зато вдоль западного колыхалась темная пелена. То была окраина истинного Леса, Великого Тапиау'ла-ан-Айтен, и его листва мерцала под облаками.

– Неужели нам придется пересечь озеро? – Бьюр поежился от одной мысли об этом.

– Нет, конечно, – улыбнулся Керморван. – Только реку к югу от него, а там на карте Анскера обозначены броды и островки, так что наш путь не будет трудным. Но теперь мы должны отпустить наших пони.

– И что потом? – напрямик спросил Эйсдан. – У нас еще достаточно харчей вместе с тем, что дал маленький народ, но мы не сможем утащить все на своих спинах.

– Сильные слуги ожидают нас на другом берегу, – спокойно ответил Керморван. – Настолько сильные, что они отнесут не только нашу провизию, но и нас самих на много долгих лиг пути.

– Что это значит? – спросили сразу несколько человек, догадавшихся, что у него есть на уме какой-то план.

– Я имею в виду деревья и течение реки. В нашем багаже достаточно инструментов и снастей, чтобы изготовить прочные плоты, какие делают лесники-плотогоны с севера. По крайней мере эту потребность мне хватило ума осознать заранее! Но все по порядку: сначала нам нужно найти переправу. В путь!

К полудню они нашли первый брод. Вестфлад здесь вытекал из озера по множеству узких каналов, которые сливались друг с другом, разделялись и сливались снова, создавая причудливый заболоченный лабиринт шириной более полутора миль. Но карта Анскера надежно вела их, и к вечеру они оказались на узком лесистом островке на расстоянии выстрела из лука до восточного берега и стены Великого Леса.

– Но в этой стене есть брешь, – сказал Керморван. – Видите вон тот широкий канал, который отходит в сторону от остальных и течет мимо островка примерно в миле вниз по реке? Дальше он скрыт за деревьями. Это наша цель, потому что дальше он становится глубокой и полноводной рекой.

В тот вечер они устроили лагерь среди деревьев и, хотя вода вокруг могла служить надежной охраной, не стали разжигать большой костер и выставили дозорных. Элоф вызвался в первую стражу и сел в тишине, глядя на слабые отблески огня на длинных голых стволах ближних елей и прислушиваясь к шелесту и шуршанию ветра в кронах – их старших сородичей вдали. Даже после того, как Эрмахал пришел сменить его, он долго лежал без сна у догорающего костра, завернувшись в одеяло и слушая, как шкипер напеваает себе под нос мотив какой-то медленной моряцкой песни. Интересно, какие еще песни могут быть спеты в лесной чаще?

На следующий день Керморван, отстоявший последнюю стражу, разбудил всех с первыми проблесками зари и сразу же развернул бурную деятельность. Пони сразу же были навьючены, и путники, спотыкаясь в утренних сумерках, спустились к роще огромных старых ив на берегу, обозначавшей место последнего брода. Это была трудная переправа: поскользнувшийся на сырых валунах, облепленных водорослями, почти неизбежно нырял в холодную воду глубиной по пояс и с сильным течением. Пони справлялись лучше, чем их хозяева, которым часто приходилось держаться за постромки, чтобы избежать падения. Корсары, закаленные в морских плаваниях, могли бы посмеяться над остальными, но высившиеся поблизости бастионы древесных стволов омрачали их настроение. Никому не хотелось шуметь; даже оклики и ругательства произносились громким шепотом. Но когда они наконец достигли противоположного берега, из-за древесных крон выглянуло солнце и принесло с собой желанное обещание тепла. Было приятно сознавать, что лесная стена впереди состоит все же из отдельных деревьев, а не образует стену какой-то зловещей крепости.

Керморван, выжимавший свой мокрый плащ, выглядел очень довольным, несмотря на жалобы остальных.

– Для предстоящей работы нам дорога каждая минута дневного света, – пояснил он. – Мы поневоле будем шуметь и привлекать к себе внимание. Думаю, в дневное время и на окраине Леса риск не так уж велик. Но когда наступит ночь, я хочу оказаться подальше отсюда.

Путешественники, многие из которых дрожали не только от холода, согласились с ним.

Самых сильных и опытных членов отряда, включая и себя, Керморван приставил к поиску и рубке деревьев, подходящих для постройки плота. Им не нужно было далеко ходить: даже на лесной опушке стояло много настоящих великанов. Хотя гигантские сосны прибрежной полосы здесь встречались редко, зато кедры, ели и пихты имелись в изобилии и достигали огромной высоты. Элоф потрогал изборожденную глубокими складками серую кору первой пихты и посмотрел вверх.

– Это благородные деревья, – тихо сказал он. – Хотелось бы мне, чтобы нам не пришлось рубить их.

Керморван, раздевшийся до пояса и взявший в руки топор, кивнул с некоторым сожалением:

– Поверь, я испытываю сходные чувства. Я не убиваю ни одно живое существо, если мне не приходится это сделать.

– Дерево есть дерево, – сказал лесник Гизе, как будто удивленный услышанным. – Одни падают, другие вырастают им на смену. Главное, чтобы лес оставался целым. Если ты хороший лесоруб, вали деревья понемногу и как можно дальше друг от друга. Не рань лес слишком глубоко, и он не восстанет против тебя.

– Я слышал похожие советы о том, как управлять королевством, – с улыбкой сказал Керморван и нанес хорошо рассчитанный удар, так что высокое дерево вздрогнуло от кроны до ствола. Мелкие птицы с встревоженным щебетом разлетелись с ветвей; крупная белка перескочила на соседнюю ветку, уцепилась за нее когтями и возмущенно застрекотала. Но за ударом Керморвана последовали удары Гизе, который подрубил надрез снизу и вынул первый клин. С другой стороны дерева Рок и Элоф, по их указаниям, начали делать обратную зарубку, которая должна была определить, куда упадет ствол. В ноздри ударил едкий запах смолы, глаза защипало. Крона другого дерева неподалеку раскачивалась и скрипела под ударами топоров Эйсдана и Иле, которые с помощью Дерваса и Кассе взяли за дело с не меньшей энергией. Элоф мимолетно подумал, что было бы, если бы Иле тоже разделась до пояса, по примеру других. Возможно, хотя бы это могло изменить представление Кассе о ее близости к человеческому роду.

Керморван задал такой темп, что к середине утра уже пять высоких деревьев лежали у берега под ярким солнцем, а шестое подрагивало на почти подрубленном стволе. Когда солнце достигло зенита, на землю рухнуло десятое дерево; лесорубы отложили в сторону свои затупившиеся топоры и устало растянулись в тени. Лишь Керморван оставался на ногах и руководил остальными, которым выпало обрубить ветки, а затем с помощью пони подтаскивать стволы к самому берегу реки. Хотя по его худощавому телу стекали струйки пота, а голос истончился до хриплого шепота, он казался неутомимым. Около двух часов спустя он вернулся с реки, принес с собой кожаный мех, наполненный водой, и щедро окатил обессиленных лесорубов.

– Идите и дивитесь! – жизнерадостно произнес он своим обычным звонким голосом. – У вас еще будет много дней для праздного отдыха!

Со стонами и проклятиями они поднялись на ноги и потащились за ним. Но когда Элоф вышел на берег, он и впрямь был изумлен, что удалось так много сделать за столь короткое время. Там, покачиваясь на волнах, стояли два длинных плота, привязанных к кольям на берегу. Один плот был уже готов, а члены отряда заколачивали гвозди, крепили цепи и обвязывали канаты, заканчивая сборку второго.

К ним подошла Иле, успевшая окунуться в неприметном месте. Ее мокрые локоны прилипли ко лбу; Элоф заметил, что она застегивает свою куртку.

– На вид достаточно прочные, верно? – со смехом спросила она. – На каждый пошло по четыре целых ствола и по одной половине на поперечину – получилось длиннее и шире, чем наша маленькая курьерская лодка. И посмотри, что придумали ваши северные парни!

На уже собранном плоту трудился Тенвар, воздвигавший самодельный навес, крытый еловым лапником.

– Мы поплывем, как настоящие лорды!

К раннему вечеру на обоих плотях имелись навесы, и весь багаж был переправлен на борт. Оставалось лишь отпустить пони на западном берегу; это дело поручили Гизе, Тенвару и Арвесу. Даже Керморван, которому не терпелось отправиться в плавание, не хотел оставлять этих кротких животных под тенью Леса. В Открытых Землях пони найдут хорошие пастбища и, может быть, даже вернуться к северным рубежам Брайхейна, где уже не пропадут, домашние или одичавшие. Но обратная переправа заняла немало времени, и Керморван с тревогой поглядывал на заходящее солнце. Наконец, когда вечерние тени удлиннились, он заметил трех погонщиков, пробиравшихся по последнему трудному броду. Арвес упал один раз, а Тенвар падал неоднократно; Гизе вытаскивал их за воротник куртки, словно щенков.

– Слишком малы еще! Бросай их обратно, пусть подрастут! – глумился Кассе. Но его издевательский смех громким эхом отдавался от потемневшей стены деревьев, и многие стали бросать на него гневные взгляды.

– Тихо, Кассе! – резко приказал Керморван, когда погонщики выбрались на берег. – Все в порядке, Гизе? Тогда на плоты, и отчаливаем!

Он потянул за конец носового причального каната, узел развязался, и они начали длинными шестами направлять тупой нос переднего плота на середину течения. Канат, соединявший его со вторым плотом, туго натянулся, и Элоф рывком выбрал швартовы. Поднялся небольшой водоворот; тупорылые бревна с шорохом пробороздили желтый ил, и вода внезапно сделалась густой, как молоко. Но с помощью шестов и тянущей силы первого плота это препятствие было преодолено без труда. В тот момент, когда солнце исчезло за вершинами деревьев, они вышли на стрежень Вестфлада.

Течение здесь было более быстрым, чем у берега, и вскоре их понесло вперед с такой скоростью, что ветер засвистел в ушах. Молодежь издавала восторженные вопли, причем Иле кричала громче всех, но встревоженное восклицание Рока осталось незамеченным, пока он не схватил Элофа за руку, ткнув пальцем в отдаляющийся изгиб берега реки.

– Там! – прошипел он. – Там, под кедрами! Ты видишь их?

– Ничего. Правда, несколько веток раскачиваются сильнее других. Какое-то животное...

– С такими глазами? Оно следило за нами, это точно.

– Глаза были зеленые? Похожие на кошачьи? У лесного народа такие глаза...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.